

- [Афанасий Великий, святитель](#)
    - [ПОСЛАНИЕ1](#)
    - [Показание второе](#)
  - [Примечания](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
-

Афанасий Великий, святитель

История ариан

1) Они же, для чего все это строили, в непродолжительном времени привели то и в исполнение. Едва замыслили, как вскоре и в общение приняли ариан, не уважили стольких определений, сделанных против них, в защиту же свою выставляли опять царскую власть. Не постыдились писать: «поелику Афанасий пострадал, то зависть прекратилась; будем, наконец, принимать в общение ариан, в устрашение слушающих присовокупляя: так повелел Царь». А потом, не устыдились прибавить об арианах: «право мудрствуют эти люди», и не убоялись написанного: «горе глаголющим... горькое сладкое... полагающим тму свет» ([Иса. 5:20](#)); потому что готовы все потерпеть за ересь. А этим не ясно ли всякому показывается, что не по церковному суду, но вследствие царской угрозы, за благочестивую во Христа веру и тогда мы страдали, и теперь вы нас гоните? Также злоумышляли и против других епископов, выдумывая такие же предлоги к их осуждению. Одни из них пошли в заточение, заслужив похвалу за исповедание Христово, а другие и теперь еще находятся в изгнании, тем мужественнее восставая против их ереси и говоря: ничто не отлучит нас от любви Христовой ([Рим. 8:35](#)).

2) Но и из этого можно также узнать ересь, и тем паче осудить ее. Кто друг им и вместе с ними нечестует, тот, хотя бы был и виновен в других проступках, и подлежал тысячам укоризн, хотя бы против него были самые ясные обличения и доказательства, пользуется у них добрым мнением и скоро делается другом царевым, заслуживает себе одобрение своим нечестием, а накопив много денег, берет уже смелость и пред судиями делать, что хочет. Но кто обличает нечестие их и искренно стоит за Христа, тот, хотя бы чист был во всем, и сам не сознавал за собою ничего, и другие его не обвиняли, по выдуманным ими предлогам, немедленно похищается, и по суду цареву делается изгнанником, или как виновный, в чем им угодно винить, или подобно Навуфею, как оскорбивший царя. Защитник же ереси тотчас бывает взыскан и появляется в Церковь изгнанного; а не принимающим его грозят уже опись имения, обиды, все бедствия. И что всего страннее, кого народ желает и признает неукоризненным, того царь отнимает и изгоняет, а кого народ не хочет и не знает, того издали присылает с воинами и с своими посланиями. И тогда настает великая нужда ненавидеть, кого любят, кто оглашал их и стал отцом в богочестии, любить же, кого не хотят, и вверять детей своих тому, о ком не знают, какой он жизни, какого поведения, и кто он таков; или терпеть наказание, если не послушаются царя.

3) Это и ныне делают, и издавна так поступали злочестивые с православными, везде и всякому давая видеть свое злонравие и нечестие. Положим, что виновен Афанасий; что же сделали другие епископы? Какие против них предлоги? Или и там найден какой мертвый Арсений? И у них какой — нибудь пресвитер Макарий? Какая — нибудь сокрушена чаша? Какой — нибудь мелетианин выведен действующим? Но как из дел этих епископов видно, что показанное на Афанасия есть ложь, так и тем, что предпринимали против Афанасия, объясняется, что и на епископов все выдуманно. Великий какой — то зверь (разумею эту ересь) вышел на землю; не словами только, как зубами, наносит он вред простодушным, но и мирскую власть нанял для злоумышления. И странно то, что, как я сказал уже, никто из них не обвиняется, а если и обвинен, не осуждается, или по — видимому и требуется в суд, но бывает оправдан во вред обличающим. И скорее, обличитель терпит от злоумышления, нежели ответчик подвергнется какому — либо стыду. Поэтому, все у них исполнены скверны, и их, вернее сказать, соглядатаи, а не епископы, всех более покрыты сквернами. И если кто хочет у них стать епископом, слушает не сказанное: «подобает... епископу быти непорочну» ([1 Тим. 3:2](#)), но одно только: «мудрствуй против Христа, и не заботься о нравах; этого достаточно, чтоб

получить тебе одобрение и царскую дружбу». Так бывает с держащимися Ариевых мыслей. А ревнители истины, хотя бы казались святыми и чистыми, по сказанному выше, подвергаются ответственности, когда хотят этого ариане, по каким угодно им вымышленным предлогам. И это, как уже сказано мною, можно усмотреть из того, что сделано арианами.

4) Был некто Евстафий, Епископ антиохийский, исповедник и благочестивый в вере муж. Поелику же он много ревновал по истине, ненавидел арианскую ересь и не принимал державшихся ее, то его оклеветали пред Царем Константином; выдуман предлог, будто бы Евстафий оскорбил Цареву мать. И немедленно делается он изгнанником, а с ним вместе изгнано и великое число пресвитеров и диаконов. Наконец, которых Епископ сей за нечестие не принял в клир, тех, по изгнании его, не только ввели в Церковь, но и весьма многих из них поставили епископами, чтобы иметь их соумышленниками своими в нечестии. Из числа их Леонтий евнух, ныне Епископ антиохийский, а прежде него, Стефан, Георгий лаодикийский, Феодосий, бывший Епископом трипольским, Евдоксий германикийский и Евстафий, ныне Епископ севастийский.

5) Остановились ли же на этом? Нет. Евтропий, бывший Епископом в Адрианополе, муж добрый и во всем совершенный, поелику неоднократно обличал Евсевия, и кому лежал путь чрез Адрианополь, всякому давал советы не слушаться нечестивых Евсевиевых слов, терпит тоже, что и Евстафий, изгоняется из города и из Церкви, потому что против него много усиливалась Царица². Евфратиона в Баланеях, Киматия в Палтосе и другого Киматия в Антараде, Асклипия в Газе, Кира в Берии сирийской, Диодора в Асии, Домниона в Сирмии, Елланика в Триполе, как скоро узнали о них, что ненавидят ересь, одних по какому — нибудь предлогу, а других и без предлога, царскими грамотами отрешив и выгнав из городов, вместо них в их Церкви поставили других, нечестие которых было им известно!

6) О Маркелле, Епископе галатийском, может быть, не нужно и говорить; потому что всем известно, как обвиняемые им прежде в нечестии Евсевиевы сообщники, сами обвиняли его и довели старца до изгнания. Он, прибыв в Рим, оправдался, и по требованию их дал письменное исповедание своей веры, которое принял и Собор сардикийский; а Евсевиевы сообщники не оправдались, и не устыдились обличения в нечестии, доказанном их писаниями, но с большею еще дерзостью стали нападать на всех; потому что от царских жен получили себе одобрение перед Царем и для всех были страшны.

7) О Павле же, Епископе Константинополя, знает, думаю, всякий. Ибо в какой мере знатен город, в такой же не утаивается и все, что делается в нем. Итак, и против него выдуман предлог к обвинению. Обвинитель его Македоний, сделавшийся теперь Епископом на его месте, в присутствии моем во время обвинения был в общении с ним и служил пресвитером у самого Павла. Впрочем, поелику Евсевий с завистью желал восхитить себе епископство этого города (так перешел он и из Берита в Никомидию), то предлог к обвинению Павлову пребыл в своей силе, злоумышление не оставлено в небрежении, клеветники устояли в своем. Павел, в первый раз, сослан Константином в Понт; во второй раз, Констанцием, окованный железными узами, заточен в Сингару месопотамскую, и оттуда переведен в Емесу; а в четвертый раз в Кукузу каппадокийскую у таврских пустынь. Там, как рассказывали бывшие при нем, задушен арианами и кончил жизнь. Сделав это, ни в чем не хранящие правды люди эти не постыдились, после смерти Павловой, выдумать опять ложь, будто бы Павел скончался от болезни, хотя знают об этом все жители места того. И Филагрий, тогдашний наместник тех мест, все их поступки толкует, как им угодно; дивится, однако же, притом, огорчившись, может быть, тем, что не он, а другой сделал такое злое деяние; рассказывал же он многим другим, также и моим знакомым, и Епископу Серапиону, как Павел, запертый ими в какое — то тесное и темное место, оставлен был там умереть с голода, и как, потом, чрез шесть дней пришедшие нашли его еще дышащим,

наконец, вошли и удушили его. И таким образом, он кончил жизнь сию. Исполнителем же дела в нанесении такой смерти, как сказывали, сделался Филипп, бывший епархом. Но суд Божий не оставил его ненаказанным; не прошло и года, как Филипп с великим бесчестием лишен начальства, и став частным человеком, потерпел осмеяние, от кого бы не желал. И он весьма огорченный, подобно Каину, «стена и трясыйся» ([Быт. 4:14](#)), со дня на день ожидая своего убийцы, умер и сам вдали от своего отечества и от своих, и как не того ему желалось, став как бы лишенным ума. Сверх того, не щадят они и мертвых, если на кого при жизни выдумывали предлоги к обвинению. Ибо чрез это постарались показать себя для всех страшными; и живых заточают, и мертвых не милуют. Но и в этом случае они одни, вопреки всем людям, ненавидят отшедших, злоумышляют на их домашних, сии в подлинном смысле бесчеловечные и ненавистники добра, больше самых врагов расвирепевшие нравом, по нечестию своему, не ради истины, но по вымышленным предлогам, старавшиеся строить козни и мне и другим.

8) Усматривая это, три брата Константин, Констанций и Констанс, по смерти отца, возвратили всех в отечество и в Церковь, о других написав к Церкви каждого, а об Афанасии выразив то, чем показывается опять насилие, употребленное в деле, и обличается убийственное намерение Евсевиевых сообщников³.

Это было писано Кесарем; какой же другой свидетель их заговора может быть достовернее сего? Ибо что знал он, то и написал.

9) Евсевиевы сообщники, видя, что ересь их ослабевает, пишут на Афанасия в Рим, пишут и к Царям Константину и Констансу. Как же скоро и Афанасием посланные обличили писанное ими, перед Царями были они постыжены. Епископ же римский Юлий писал, что надобно быть Собору, где пожелаем, чтобы на нем доказали они то, в чем обвиняют, и смело оправдались, в чем сами обвиняются. Ибо об этом просили и посланные ими пресвитеры, видя себя обличаемыми. В таком положении дела во всем подозрительные люди эти, примечая, что не одержат они верха на суде церковном, приходят к одному Констанцию, и его уже, как защитника ереси, жалобно просят, говоря: «Пощади ересь; видишь, все от нас отступают, и остается уже немного нас; начни гонение, потому что и эти немногие оставляют нас и нет у нас последователей. Кого принудили мы силою, по изгнании епископов, тех епископы, возвратившись, опять убедили мудрствовать вопреки нам. Поэтому, напиши указ против всех них, и пошли Филагрия вторично епархом в Египет; он способен произвести гонение, доказал уже это на опыте, притом же, он и отступник. Пошли и Григория епископом в Александрию, и он может поддержать нашу ересь».

10) Поэтому, пишет тогда Констанций, всех начинает преследовать, посылает епархом Филагрия и с ним какого — то евнуха Арсакия, посылает и Григория с воинскою силою. И произошло подобное тому, что было и прежде. Собрал множество волопасов, пастухов и других площадных и распутных молодых людей, с мечами и дубинами вторглись они внезапно в церковь, так называемую Кирина, и одних убивали, других топтали, иных же, нанеся им раны, ввергли в узилище и послали в заточение; схватив многих женщин, всенародно влекли в судилище, и ругались над ними, таща за волосы; у иных описывали имение, у других отымали хлеб, не для чего иного, а для того единственно, чтобы присоединились они к арианам и приняли присланного Царем Григория.

11) Афанасий же, прежде нежели произошло это, едва услышал, как отплыл в Рим, зная раздражительность еретиков, и вместе для того, чтобы, как положено, составил Собор. Юлий пишет и посылает пресвитеров Елпидия и Филоксена, назначив и срок Собору, чтобы или пришли еретики, или знали уже, что будут их подозревать во всем. Но Евсевиевы сообщники, как скоро услышали, что будет церковный суд, на котором ни комит не присутствует, ни воины не стоят у дверей, и дела соборные совершаются не по царскому приказу (а этим всегда брали

они верх над епископами, без этого же едва осмеливаются даже и говорить), в такой пришли страх, что пресвитеров продержали за срок и выдумали неблаговидный предлог, говоря: «не можем теперь идти по причине войны с персами». Но в этом не было правды, идти же препятствовал страх совести. Ибо какое дело епископам до войны? Или, каким образом по причине персов не могли идти в Рим, город, который далеко стоит от персов и за морем, между тем как восточные и близкие персам страны обходят они, как львы, ища, не воспротивится ли им кто, чтобы, оклеветав, довести его до заточения.

12) И без сомнения, отпустив от себя пресвитеров с этим неудовлетворительным предлогом, рассуждали они между собою: «поелику не имеем возможности одержать верх на суде церковном, то покажем обычную нам дерзость». Поэтому, пишут к Филагрию и убеждают его в скором времени вместе с Григорием обозреть Египет: и теперь — то епископы без жалости подвергаются бичеваниям и заключаются в узы. Сарапаммона Епископа — исповедника посылают в заточение; Потаммолу Епископу — исповеднику, который лишился даже глаза во время гонения, нанесли множество ударов по вые и не прежде перестали мучить его, как признав уже мертвым; так был он брошен, и едва чрез несколько часов, после многих стараний и отдуваний, начал дышать, потому что Богу стало угодно даровать ему жизнь. Но чрез несколько времени он умер от тяжести этих ударов и может о Христе похвалиться двукратным мученичеством. Сколько же других монахов терпели бичевание, между тем как Григорий сидел с Балакием, так называемым дуком? Сколько епископов были мучимы? Сколько дев несли на себе удары?

13) Потом, после всего этого, жалкий Григорий приглашает всех вступить с ним в общение. Но если желаешь иметь с ними общение, то не были они достойны ран; если же терзал ты их, как людей негодных, то для чего приглашаешь, как святых? Но у него не было другой цели, как только исполнить волю пославших и поддержать ересь. Посему — то этот безумный человек сделался убийцею, исполнителем казни, обидчиком, коварным, гнусным и вполне христорборцем. Тетку Епископа до того преследовал Он, что и умершую не позволял предать погребению. Это и случилось бы и она была бы брошена непогребенною, если бы поднявшие ее не вынесли, как своего мертвеца. Так и в этом показал он свой нечестивый нрав. Поелику вдовы и другие недвижимые собирали милостыню, то велел отнимать подаваемое и разбивать сосуды, в которых держали масло и вино, чтобы не только нечестиво отнять у них, но самым делом обесчестить Господа и вскоре услышать от Него: обесчестив этих, обесчестил ты Меня.

14) Многое и другое им сделано, что даже трудно и выразить словом, и о чем иной выслушав, почтет это невероятным. Поступал же так потому, что не был поставлен по правилу церковному, и был назначен Епископом не по апостольскому преданию, но прислан от Двора с воинскою силою и пышностью, как будто бы вручалась ему мирская власть. Поэтому, желал он более быть другом градоправителей, нежели епископов и монашествующих. И если когда писал ему с горы Отец Антоний, то, поелику богочестие неприятно грешнику, он гнушался письмами сего Святого. А если писал царь, или военачальник, или какой судья, столько же бывал весел, как и те, о которых, как бы оплакивая их, говорит Писание в Притчах: «о, оставивши пути правыя! о, веселящиеся о злых и радующиеся о развращении злем!» ([Притч. 2:13, 14](#)). И, без сомнения, приносящих эти письма чествовал он денежными вознаграждениями. А когда написал ему, однажды, Антоний, велел дуку Балакию оплевать и бросить послание. Но суд Божий не оставил этого ненаказанным; не много прошло времени, как поименованный Дук садился на коня, отправляясь еще только в путь; конь обернулся и укусил его в лядвею; Дук упал и чрез три дня умер.

15) И так поступали они со всеми. Между тем в Риме собралось до пятидесяти епископов. Евсевиевых сообщников, как подозрительных и убоявшихся прийти, не приняли они в общение,

и писанного ими не уважили, а меня приняли и возлюбили со мною общением. Но, пока это происходило, дошло до сведения Царя Констанса и о Соборе, бывшем в Риме, и о том, что сделано против Церквей в Александрии и на всем Востоке. Тогда пишет он к брату Констанцию; и обоим уже было угодно, чтобы составилась Собор и были разобраны дела, и обиженные не терпели более обид, обидчики же не могли более осмеливаться на подобные поступки. Поэтому, в город Сардику сходятся епископы с Востока и Запада числом более или менее 170-ти. Западные епископы были одни с Отцом Осиею, а восточные привели с собою пестунами и ходатаями Мусониана комита и Исихия Кастрисия, которых ради и пришли охотно, надеясь опять сделать все их властью. Ибо так и всегда с помощью их показывали себя страшными, кому хотели, и строили козни, против кого было им угодно. Когда же пришедши увидели, что производится один Церковный суд без комита и воинов, увидели против себя обвинителей и обличителей от каждой Церкви и от каждого города, увидели, что почтенные Епископы Арий и Астерий, хотя пришли с ними, но уклонились от них, присоединились к нам и пересказали нам о лукавстве их и о том, сколько они подозрительны по делам и сколько боятся судопроизводства, чтобы и мы их не обличили как клеветников, и представленные ими обвинители не показали, что сами они все это внушили им и подстроили, примечая все это, хотя пришли со тщанием к той мысли, что иначе не встретят нас, как уstraшенными, но как скоро увидели нашу готовность, заключаются во дворце (ибо там жили) и начинают рассуждать между собою: «С иною целью мы шли, и иное видим; пришли мы с комитами, а суд производится без комитов; без сомнения, мы будем осуждены, все вы знаете данные предписания; Афанасиевы защитники имеют у себя мареотские записи, по которым он оправдывается, а мы посрамямся. Поэтому, что же нам делать? Для чего медлить? Выдумаем какие — нибудь предлоги и уйдем, чтобы оставаясь не быть осужденными; лучше, бежав, понести стыд, нежели потерпеть посрамление, когда обличат нас клеветниками. Если убежим, то будем еще в состоянии хотя сколько — нибудь защитить ересь. Хотя и осудят нас бежавших, но нашим покровителем Царь; он не попустит, чтобы народ изгнал нас из Церквей».

16) Подобно этому рассуждали они; Осия же и все другие епископы часто давали им выразить ревность Афанасиевых защитников, и сколько готовы они к оправданию, даже обещаются обличить их как клеветников. Епископы говорили: «Если боитесь суда, для чего пришли? Или приходить не надлежало, или пришедши не должно бежать». Слыша это и еще в больший пришедши страх, прибегли к новому предлогу более нелепому, нежели выдуманный в Антиохии, будто бы Царь писал им о торжествах по случаю победы над персами, и решились бежать. И предлог этот без стыда представили чрез Евстафия пресвитера сардикийской Церкви. Однако же, побег их по желанию не состоялся. Ибо святой Собор, на котором председателем был великий Осия, вскоре написал им ясно: «Или явитесь оправдаться в представленных на вас обвинениях и в сложенных вами клеветах, или знайте, что Собор осуждает вас, как признанных виновными. Афанасия же и защитников его объявляем свободными и чистыми от всякой вины». Но они больше были гонимы страхом совести, нежели способны внять этому посланию; видя перед собою обиженных ими, не дали ответа делающим это предложение, но скорее бежали.

17) Так постыдно и неблагообразно было их бегство. Святый же Собор, созданный из 35-ти и более епархий, признав злонравие ариан, допустил Афанасия и прочих с ним к оправданию, в чем обвиняли их и за что пострадали; и когда оправдались, как сказали мы выше, Собор принял их и признал достойными всякого удивления, а потому и возлюбил общение с ними, отписал всюду, послал писания в округ каждого и особенно в Александрию, в Египет и в Ливию, что Афанасий и прочие с ним чисты и не подлежат никакому упреку, а противники их клеветники, люди злобные и вовсе не христиане. Посему, Афанасия и прочих с ним отпустили с миром, а низложили Стефана, Минофанта, Акакия, Георгия лаодикийского, Урзация, Валента, Феодора и

Наркисса. Григория же, присланного Царем в Александрию, отлучили от Церкви; потому что он вовсе не был епископом и не должен именоваться христианином. Поэтому, объявили недействительными и те поставления, которые сделаны Григорием, приказав, чтобы оные вовсе не именовались в Церкви, по необычайности беззакония. Так Афанасий и прочие с ним отпущены с миром. Соборные же послания, по длинноте их, писаны в конце⁴. И Собор разошелся.

18) Низложенные, которым теперь надлежало бы успокоиться, после такого постыдного бегства, совершили дела, в сравнении с которыми прежние их поступки оказываются малыми. Ибо, когда жители Адрианополя не захотели вступить с ними в общение, потому что бежали они от Собора и признаны виновными; тогда донесли об этом Царю Констанцию, и сделали, что на тамошней фабрике десять человек мирян были обезглавлены, при содействии арианам опять и в этом Филагрия, бывшего там комитом. Надгробные памятники умерщвленных находятся пред городом, как и мы это видели, проходя мимо. Потом, как будто сделано ими хорошее дело, потому что бежали, чтобы не обличили их как клеветников, все, чего только хотели, и Царь подтвердил своим приказанием. Поэтому, успели и в том, что из Александрии сосланы в заточение в Армению два пресвитера и три диакона; Ария же и Астерия, из которых один был Епископом Петры палестинской, а другой Епископом аравийским, за то, что отделились от них, не только послали в заточение в верхнюю Ливию, но и подвергли их оскорблениям.

19) С адрианопольским Епископом Лукием, поелику увидели, что обходится с арианами очень смело и обличает их нечестие, поступили опять также, как и прежде, возложили железные оковы на выю и руки, и потом послали в заточение, где Лукий и скончался, как они это знают. Удалили с места Епископа Диодора, Олимпия же энейского и Феодула траянопольского, которые оба были Епископами во Фракии, добрых и православных мужей, поелику видели, что они ненавидят ересь, оклеветали сперва Евсевиевы сообщники, о чем и писал Царь Констанций, а во второй раз и сии подтвердили тоже. Констанцием же писано было не только изгнать этих Епископов из городов и Церквей, но и предать смертной казни, если будут где найдены. Как ни удивительно это, однако же, нимало не чуждо их образу действия. Научившись подобным вещам у Евсевиевых сообщников и как бы став наследниками их нечестия и поведения, как отцы их делали во Фракии, так и они захотели в Александрии показать себя страшными, и по их домогательству было написано наблюдать за пристанями и входами в города, чтобы епископы не возвратились как — нибудь в Церкви, вследствие соборного позволения. Написано было, по их домогательству, и к александрийским судиям об Афанасии и о некоторых пресвитерах поименно, что если Епископ, или кто — нибудь из тех пресвитеров найден будет вступившим в город или в пределы его, то судия вправе обезглавить найденного. Так новая иудейская ересь не только отрицается от Господа, но и поучается убийствам.

20) И при этом они не успокоились; но как отец их ереси «ходит яко лев... иский кого поглотити» ([1 Петр. 5:8](#)), так и они, захватив во власть свою общенародное гульбище и ходя по нему, если находили, что кто — нибудь порицает их за бегство и изъявляет ненависть к арианской ереси, всех таковых секли бичами, связывали, высылали из отечества в заточение. А чрез это сделали себя столько страшными, что многие обратились в лицемеров, а многие согласились лучше бежать в пустыни, нежели жить с ними вместе. Таковы были неистовые их дерзости после побега. Ибо совершают нечто необычайное, приличное только их ереси, чего прежде и не слыхивали, и чего, может быть, никогда не случится даже у развращенных язычников, не только у христиан. Святой Собор Епископов Викентия из Капуи, где митрополия Кампании, и Евфрата из Агриппинии, где митрополия верхней Галлии, отправил послами к Царю, чтобы, поелику он изгнал Епископов, то сам же и дозволил бы, по суду соборному,

возвратиться им в свои Церкви. Писал также и благочестивейший Констанс к брату своему, и поддерживал сторону Епископов. Эти же достойные удивления и на все отважные люди, как скоро увидели послов в Антиохии, составляют общий совет, исполнение же принимает на себя один Стефан, как способный к подобным делам. В самые дни святейшей Пасхи, нанимают распутную женщину и, раздев ее донага, вводят ночью к Епископу Евфрату. Женщина эта, думая сперва, что призвана молодым человеком, шла охотно. Когда же, оставленная ими, увидела человека сонного, который ничего не знает о случившемся, а потом, рассмотрела лице старца и догадалась, что это Епископ, тотчас подняла крик и стала жаловаться, что введена насильно. Но они просили ее молчать и солгать на Епископа. Так наступил день; дело разгласилось, и стекся весь город; придворные пришли в движение, дивясь распространившемуся слуху и прося не молчать о деле. Поэтому, произведен суд; содержатель непотребного дома обличил приходивших за женщиной; они же обличили Стефана, потому что это были его клирики. Посему, Стефан отрешается, и на место его поставляется скопец Леонтий, только бы арианской ереси не оставаться без защитника.

21) Царь Констанций, тронутый этим несколько, пришел в себя, и из поступка с Евфратом заключив, что и против других бывают подобные замыслы, повелевает немедленно освободить сосланных из Александрии в Армению пресвитеров и диаконов; и в Александрию пишет прямо, чтобы более не преследовать клириков и мирян у Афанасия. Потом, когда месяцев чрез десять скончался Григорий, с великою честью приглашает Афанасия, не однажды и не двукратно, но три раза написав к нему дружественно, убеждает ничего не опасаться и идти в путь, посылает пресвитера и диакона, чтобы тем с большею уверенностью возвратился он. Царь думал, что, страшась бывшего прежде, не забочусь о возвращении. Пишет же и к брату своему Констансу, чтобы и он убеждал меня возвратиться. Он уверял, что целый год ожидает Афанасия, и никак не позволял какого — либо нововведения, или поставления, сохраняя Церкви Епископу Афанасию.

22) Когда же так писал Царь и убеждал чрез многих, потому что заставлял писать и комитов Полемию, Датиана, Бардиона, Фаласса, Тавра и Флоренция, которым более можно было верить; тогда, предав все Богу, и на сие подвигшему Констанция, пришел к нему Афанасий с бывшими при нем. Царь принял его искренно и дозволил возвратиться в отечество и в Церкви, написав к поместным судьям, чтобы (так как прежде приказывал оберегать входы) иметь ему невозбранный доступ. Потом, когда Епископ стал жаловаться на то, что потерпел и что писано было против него, присовокупил же и просьбу, чтобы, по отбытии его, опять не стали клеветать враги, и сказал: «призови их, если угодно; пусть станут они передо мною, и я обличу их»; тогда Царь не сделал этого, но все, что прежде писано было на Афанасия по клевете, велит уничтожить и изгладить, подтвердив, что впредь не потерпит клеветы и что намерение его в этом твердо и непременно. И сказал это не просто, но запечатлел слова клятвами, призывая при этом свидетелем Бога. Убедив же Афанасия многими другими словами и посоветовав ему остаться в том уверенным, к епископам и судьям пишет следующее⁵:

23) *Победитель Констанций Август экзарху египетскому Несторию.*

Известно, что прежде сего было наше приказание⁶ отыскать некоторые писания, противные чести достопочтеннейшего Епископа Афанасия, состоят же они в заведывании твоей правдивости. Посему, угодно нам от испытанной нами трезвенности твоей, чтобы все письма, касающиеся сказанного выше имени и бывшие в твоём заведывании, сообразно сему нашему приказу, отослал ты в наш комитет.

24) А что писал он, по смерти блаженного Констанса, то, по переводу с латинского подлинника, состоит в следующем:

Победитель Констанций Август Афанасию.

Всегдашним моим желанием было, чтобы все делалось в угодность покойному моему брату

Констансу; это не безызвестно и твоему разумению. В какой же был я скорби, узнав, что он умерщвлен какими — то людьми преступными, об этом может опять догадываться твое благоразумие. Поелику же в настоящее столь печальное время покушаются иные устрашать тебя; то заблагорассудил я послать к твердости твоей письмо сие, поставляя тебе в обязанность, как прилично епископу, учить народ тому, чего требует Божественная вера, и вместе с ним обычным образом проводить время в молитвах, а не верить пустым слухам, какие бы они ни были. У нас же укоренено в душе это желание, чтобы тебе, согласно с нашим изволением, всегда быть епископом, на месте твоем. Божественный Промысел многие годы да соблюдает тебя, возлюбленный Отец⁷.

25) Когда происходило это, Афанасий и бывшие с ним простились и вступили уже в путь; друзья, взирая на друга, радовались; а что до прочих, то одни, видя его, стыдились, другие, не осмеливаясь видеть, скрывались, иные же раскаивались в том, что писали на Епископа. Все палестинские Епископы, за исключением двоих или троих, и то подозрительных, так приняли Афанасия и возрадовались общению с ним, что писали и оправдывались, говоря: «что писано нами прежде, то сделано не по произволению, но принужденно». А об Епископах в Египте и в Ливиях, также о народе в этих странах и в Александрии излишнее дело и говорить; потому что все стекались, и несказанна была их радость, не потому только, что сверх чаяния сретали своих живыми, но и потому, что освобождались от еретиков, как от мучителей и от бешеных псов. Великое было веселье, когда люди мирские в церковных собраниях друг друга поощряли к добродетели. Сколько незамужних, которые прежде готовы были вступить в брак, остались девами Христовыми? Как многие юноши, смотря на других, возлюбили иноческую жизнь? Как многие отцы увещевали детей? И сколь у многих просили дети, чтобы не препятствовали им подвизаться о Христе? Сколь многие жены убедили мужей и сколь многие убеждены мужьями пребывать, как сказал Апостол, в «молитве» (1 Кор. 7:5)? Сколь вдов, сколько сирот прежде были голодны и наги, а теперь, вследствие великого народного усердия, не только не чувствовали голода, но ходили уже одетыми? Вообще, такое было соревнование в добродетели, что каждое жилище, каждый дом, по добротолубию обитающих и по молитве к Богу, можно было почесть церковью. Глубокий и чудный был мир в Церквах; повсюду сущие епископы писали и принимали от Афанасия обычные мирные послания.

26) Раскаялись и Урзаций и Валент, как бы терзаемые совестью. Дружеское и мирное послание пишут они к Епископу, хотя сами не получили от него письма. Пришедши же в Рим, приносили покаяние, признаваясь, что все, что ни делали и ни говорили они против Афанасия, есть ложь и одна клевета. И не это одно сделали они, но предав анафеме арианскую ересь, письменно изложили свое покаяние, написав Епископу Юлию на латинском языке, с переводом на эллинский, следующее послание, с которого на латинском языке⁸ прислан список мне Павлом, Епископом триверским.

Написав это, подписались они и к мирным посланиям, когда проходили у них Афанасиевы пресвитеры, Петр и Ириней и мирянин Аммоний, хотя Афанасий с ними ничего не написал к Урзацию и Валенту.

27) Посему, кто не дивился, видя все это и такой мир Церквей? Кто не радовался, взирая на единомыслие стольких епископов? Кто не славил Господа, примечая веселье народа в церковных собраниях? Сколь многие из врагов принесли покаяние? Сколь многие из клеветавших прежде старались оправдаться? Сколь многие из ненавидевших прежде Афанасия впоследствии возлюбили его? Сколь многие из писавших против него переменяли склад песни? Многие из бывших в общении с арианами не по произволению, но по нужде, приходили ночью и оправдывались; они предавали ересь анафеме и просили себе прощения, потому что по заговорам и клеветам, от них бывшим, видимо и телесно были они с арианами, сердцем же

соединены с Афанасием и с ним всегда пребывают. Ей, поверьте, что это было так!

28) Но слыша и видя это, в великом были стыде наследовавшие мнения и нечестие Евсевиевы, а именно: скопец Леонтий, с которым не должно иметь общения и как с мирянином, потому что оскопил себя, чтобы свободно уже жить с какой — то Евстолией, которая имела прежде с ним связь, хотя именовалась еще девою, также Георгий, Акакий, Феодор, Наркисс, которые низложены еще Собором. Потом, видя согласие и мир с Афанасием более нежели 400 епископов, и именно: Епископов великого Рима, всей Италии, Калабрии, Апулии, Кампании, Бруттии, Сицилии, Сардинии, Корсики и всей Африки, также Епископов Галлии, Британии, Испании и великого исповедника Осии, и еще Епископов Паннонии, Норика, Сискии, Далмации, Дардании, Дакии, Мисии, Македонии, Фессалии, всей Ахаии, Крита, Кипра, Ликии и большей части Епископов Палестины, Исаврии, Египта, Фиваиды, всей Ливии и Пентаполя, видя все это, объята они были завистью и страхом; завистью по причине общения с Афанасием столь многих Епископов, и страхом, чтобы обольщенные ими не приступили к единодушию с столь многими, и обессиленная ересь их не была всюду предана посрамлению и позору.

29) И во — первых, убеждают Урзация и Валента переменить свои мысли и подобно псам возвратиться на свою блевотину, или подобно свиньям снова погрузиться в прежнюю тину нечестия и выдумать такой предлог принесенного ими покаяния, будто бы сделали это, убоявшись благочестивейшего Констанса. Но если был в этом и страх, то, ежели дело совершаемо было с уверенностью в нем, не надлежало изменять сделанному. Если же и страха не было, но они солгали; то не всякого ли достойны они осуждения? Не было тут война, и не посылались царедворцы или письмоводцы (как делают они ныне), не присутствовал царь, и вовсе не по чьему — либо приглашению писали они; но сами, по своей воле, пришли в Рим, и в церкви, где нет внешнего страха, действует же один страх Божий, где всякий имеет свободное произволение, сами собою принесли покаяние и написали оное. И однако же, в другой раз став арианами, не краснеют, придумав снова такой неприличный предлог.

30) Потом, собравшись вместе, обратились с просьбою к Царю Констанцию, говоря: «О чем представляли мы прежде, в том нам не поверили. Когда вызывал ты Афанасия, говорили мы, что, приглашая его, изгоняешь наш толк; потому что Афанасий изначально против него и не перестает предавать его анафеме. Он всюду уже разослал свои против нас писания, весьма многие в общении с ним, а которые, по — видимому, нас держались, те или уже присоединились к нему, или думают присоединиться; и мы остались одни; есть опасность, что огласится наше учение, и мы и ты будем, наконец, провозглашены еретиками. А если сделается это, то смотри, чтобы не прикли нас к манихеям. Поэтому, начни опять гонение и будь покровителем нашего толка; потому что и он признает тебя своим царем». Таковы были лукавые их слова. И Царь, когда шел против Максентия, видя общение Епископов с Афанасием, как бы возгоревшись огнем, переменял свою мысль, не сохранил в памяти клятв, но забыл, что писал, и не соблюл данного брату слова; потому что и в письмах к нему, и при свидании с Афанасием, уверял клятвенно не иначе поступать, но только как пожелает народ и угодно будет Епископу. Усердие к нечестию сделало, что все вдруг стало им забыто. Но не должно дивиться, что переменялся Констанций после стольких писаний и клятв. И некогда египетский мучитель, Фараон, многократно давая обещания и получая за то освобождение от казней, переменял свое намерение, пока вконец не погиб с своими единомышленниками.

31) Сперва Констанций в каждом городе принуждал епископов переменяться; а когда был в Арелате и в Медиолане, стал уже поступать, как советовали и внушали еретики, лучше же сказать, сами они стали так поступать и, воспользовавшись властью, нападать на всякого. И вскоре пришли повеления и писания к епарху немедленно отнять у Афанасия выдававшийся ему хлеб и отдать мудрствующим по — ариеву, а также дозволить желающим оскорблять всякого,

кто сходится на богослужение вместе с Афанасием. Угрожали даже судиям, если будут собираться на богослужение не с арианами. Все же это было только предначатием того, что сделано потом дуком Сирианом. Посланы предписания и в другие места кроме Александрии, отправлены в города письмоводцы и придворные с угрозами к епископам и судиям, чтобы судии поспешали, а епископы или писали против Афанасия, вступив в общение с арианами, или в наказание сами подвергались заточению, а также миряне, сходящиеся с ними на богослужение, знали, что против них употреблены будут узы, поругания, раны и отъятие собственности. Предписание это не оставлено в небрежении, потому что посланные имели при себе клириков Урзациевых и Валентовых, чтобы и побуждали они нерадивых судей, и доносили о них Царю. И другим ересям, как меньшим своим сестрам, дозволяли хулить Господа; против одних только христиан злоумышляли, не имея терпения слышать благочестивые о Христе вещания. Посему, сколько епископов, по Писанию, «ведени были пред воеводы и цари» ([Мк. 13:9](#)), и слышали от судей: «или подпишитесь, или оставьте Церкви, потому что Царь велел низложить вас»? Сколь многие в городах приведены были в смущение, что и их обвиняют как друзей епископских? Ибо и гражданам было писано, притом с угрозою денежного взыскания, если каждый не будет епископа города своего принуждать к тому, чтобы подписался. Вообще, всякое место и всякий город исполнились страха и смятения; потому что епископов влекли, а судии видели сетование и стенания народа.

32) Так поступали посланные царедворцы. Эти же чудные люди, смело полагаясь на покровительство, употребляют свое старание, и таким образом, одних епископов вызывают к Царю, против других строят опять козни, в письмах выдумывая на них обвинения, чтобы одни убоялись присутствия Констанциева, другие же, устранившись посланных и угроз вымышленною клеветою, отступили от своего правого и благочестивого образа мыслей. Так, Царь великое число епископов, то угрозами, то обещаниями принуждал сказать «мы уже не в общении с Афанасием». Приходящим к Царю не прежде дозволяли его видеть, и вообще, не прежде давали им какой — либо покой и свободу оставлять свое жилище, как взяв с них подпись. А если отказывались подписаться, то посылали их в заточение. И это делал Царь, примечая, что ересь ненавидима всеми. Посему — то наипаче и принуждал многих присоединиться к числу немногих, старался собрать кучу имен из зависти к Епископу Афанасию, и чтобы придать большую важность арианскому учению, которому он покровительствовал, думая, что в состоянии будет также извратить истину, как превращал людские мнения; но не знал и не читал того, что саддукеи и иродиане, присоединив к себе фарисеев, не возмogli утаить истину. Напротив же того, истина при всем этом с каждым днем делается более блистательною, а они, вопия: «не имамы Царя токмо Кесаря» ([Иоан. 19:15](#)), и имея на своей стороне Пилатов приговор, тем не менее остаются лишенными всего и во всем стыде, ожидая, что и сами будут совершенно обнажены, как «ряб» ([Иерем. 17:11](#)), как скоро увидят умершим своего покровителя.

33) Хотя совершенно неприлично, что некоторые из епископов, устранившись сего, переменили свои мнения; но гораздо неприличнее, что неполагающиеся на правоту своей веры употребляют насилие и принуждают других верить против воли. Так, диавол, поелику нет в нем истины, напада «сечивом и оскордом, сокрушает двери...» приемлющих его ([Псал. 73:6](#)). Спаситель же столько кроток, что, хотя спрашивает: «аще кто хочет по Мне ити» ([Матф. 16:24](#)), и: кто хочет быть Моим учеником, однако же, приходя к каждому, не употребляет насилия, а напротив того, ударяет в дверь и говорит: «отверзи Ми, сестро Моя, невесто» ([Песн. 5:2](#)); и когда отворяют, входит; когда же медлят и не хотят, удаляется. Не мечем и стрелами, не с помощью воинов возвещается истина, но убеждением и советом. Какое же там убеждение, где страх царев? Или какой совет, где прекословящий имеет пред собою в виду заточение или

смерть? И Давид, будучи Царем, когда в руках своих имел врага, и воины его покушались убить сего врага, не со властью запретил им, но, как говорит Писание, словами убеждал мужей своих и не дал им восстать и умертвить Саула ([1 Цар. 26:911](#)). А Констанций, поелику нет у него слова, принуждает всех властью, чтобы всякому было явно, что мудрование их не по Богу, но человеческое, и мудрствующие по — ариеву действительно не имеют «Царя токмо Кесаря»; потому что христорбцы чрез него делают все, что только хотят.

Но, положив при его помощи строить козни многим, не знали они, что заставят многих сделаться исповедниками; таковы ныне показавшие достославное исповедничество, мужи благоговейные и добрые епископы: Павлин, Епископ Триверов, митрополии галльской, Люцифер, Епископ митрополии сардинской, Евсевий верчелльский в Италии, и Дионисий Епископ Медиолана, также митрополии италийской. Ибо Царь, призвав их, приказывал подписаться против Афанасия и вступить в общение с еретиками; потом, когда они, удивившись этому новому предприятию, сказали, что нет такого церковного правила. — он тотчас возразил: «Я хочу этого правила, исполняйте; так сказано мною и епископам сирийским, и они согласны. Поэтому и вы, или повинуйтесь, или будете в заточении».

34) Епископы, выслушав и весьма удивившись, воздев руки к Богу, с великим дерзновением обратили к нему речь, поучая, что царство не его, но даровавшего ему Бога, и умоляли убояться Бога, чтобы не отнял онога внезапно; угрожали ему днем суда, советовали ему не расстраивать дел Церкви и римского народоправления не смешивать с церковным постановлением, не вводить арианской ереси в Церковь Божию. Но он не внял им, не позволил продолжать речь, а напротив того, еще более стал угрожать, обнажил на них меч, и некоторых из них велел отвести на казнь, и опять, как Фараон, отменил приказ. Посему, святые эти, отрясши прах и возведя очи к Богу, не убоялись царской угрозы, и ради обнаженного меча не изменили истине, но и самое изгнание свое обратили в дело служения. Проходя по местам и городам, хотя были в узах, благовествовали они, проповедуя благочестивую веру, анафематствуя же арианскую ересь и предавая позору раскаяние Урзация и Валента. И из сего вышло противное желанию злоумышлявших. Чем дальше отстояло место заточения, тем больше возрастала к ним ненависть, и шествие заточаемых стало проповедью об их нечестии. Ибо кто, смотря, как проходили заточаемые, не дивился им, как исповедникам, и не отвращался от ариан и не гнушался ими, не только как нечестивыми, но как кровопийцами и убийцами, давая им всякие именованья, только не имя Христиан?

35) Посему, Констанцию лучше было в самом начале вовсе не приступать к этой ереси, или приступив, не уступать в такой мере нечестивым, или уступив до такой степени, стать в один с ними ряд, чтобы понести общее с ними осуждение за учиненные доньше дерзости. Но, как видно, подобно обезумевшим, опутав себя оковами нечестия, навлекают они на себя еще большее осуждение. Ибо и вначале не пощадили Либерия римского Епископа, но и туда простерли свое неистовство; не постыдились, что это Апостольский престол; не уважили, что Рим есть митрополия Романии; не привели себе на память, что прежде сами в письмах именовали их мужами Апостольскими. Все смешав вместе, о всем вдруг забыли, и заботились только ревновать о нечестии. Как скоро увидели, что Либерий держится православия, ненавидит арианскую ересь и старается убедить всякого, чтобы отвращался и удалялся от ереси; тотчас рассудили эти злочестивые: «если Либерия склоним на свою сторону, то вскоре и всех преодолеем». И клеветают они Царю, а он в чаянии чрез Либерия привлечь к себе всех, немедленно пишет и посылает какого — то евнуха, по имени Евсевия, с письмом и с дарами, чтобы обольстить дарами и привести в страх письмом. Посему, евнух, прибыв в Рим, сперва убеждал Либерия подписаться против Афанасия и вступить в общение с арианами, говоря: «этого хочет Царь, и так велит тебе поступить»; потом, показывая дары, снова убеждал и брал

его за руки, говоря: «послушайся Царя, и прими сии дары».

36) Епископ же, желая убедить словом, вразумлял его: «Можно ли поступить так с Афанасием? Кого совершенно оправдал не только первый, но и второй, отовсюду созванный Собор, и кого римская Церковь отпустила с миром, того можем ли мы осудить? И кто одобрит нас, если заочно окажем отвращение к тому, кого лично возлюбили и допустили с собою в общение? Нет такого церковного правила, не имеем у себя подобного предания от Отцов, которые сами заимствовались у блаженного и великого Апостола Петра. Но если Царь заботится о церковном мире, если повелевает уничтожить написанное нами в пользу Афанасия; то пусть будет уничтожено составленное ими против Афанасия, а также уничтожено составленное и против всех других, и пусть, наконец, составится церковный Собор вдали от дворца, где не присутствовал бы Царь, не появлялся комит, не угрожал судия, но было бы достаточно Божия только страха и Апостольских постановлений, чтобы, таким образом, паче всего сохранена была церковная вера, как определили Отцы на никейском Соборе, а мудрствующие по — ариеву были изринуты, и ересь их предана проклятию. И тогда уже по произведении суда о том, в чем обвиняется Афанасий, или другой кто, и в чем обвиняют их самих, виновные будут извергнуты, а оправдавшиеся возымеют дерзновение. Ибо непозволительно было бы причислить к Собору тех, которые нечестиво учат о вере, и неприлично исследование о частном деле предпочесть исследованию о вере. Прежде надобно пресечь всякое разногласие о вере, и потом производить исследование о делах. И Господь наш Иисус Христос не исцелял страждущих прежде, нежели обнаружат и скажут они, какую имеют в Него веру. Этому научились мы от Отцов, это и возвести Царю. И ему это полезно, и Церковь созидает. Пусть не слушает Урзация и Валента. Они и в прежнем каялись, и что теперь говорят, не заслуживают в том веры».

37) Так сказал Епископ Либерий; евнух же, огорчась не столько тем, что Либерий не подписал, сколько тем, что нашел в нем противника ереси, и забывшись, что он пред Епископом, после великих угроз удалился с дарами, совершает же нечто незаконное, чуждое христианину и для евнуха слишком дерзкое. В подражание Саулову преступлению, входит он во храм Апостола Петра и ему посвящает дары. Но Либерий, узнав об этом, сильно вознегодовал на того, кто был блюстителем места и не воспрепятствовал ему; дары же, как незаконную жертву, отринул. И это на большой гнев подвигло скопца. Поэтому, раздражает он Царя, говоря: «не о Либериевой подписи у нас теперь забота; страшит же Либериев образ мыслей об ереси, предавать ариан анафеме за одно имя». К тому же возбуждает он и других евнухов, а у Констанция их много, и лучше сказать, все одни евнухи, и во всем имеют у него силу, без них ничто не может там быть сделано. Поэтому, Царь пишет в Рим, снова посылаются придворные и письмоводцы, комиты и письма к епарху, чтобы Либерия, или обманув хитростью, увели из Рима и прислали к Царю в стан, или изгнали его насильно.

38) После того как было это написано, страх и наветы усилились там по всему городу. Скольким домам сделаны угрозы? Скольким обещаний получили многие, только бы действовали против Либерия? Скольким епископам, видя это, скрывались? Скольким благородным женам удалялись в деревни по причине клевет, распространяемых христорборцами? Скольким подвижникам устроены козни? Скольким, проживавшим в Риме и там уже водворившимся, довели до изгнания? Скольким раз и с каким старанием охраняли пристань и вход в городские ворота, чтобы кто из православных не вошел и не имел свидания с Либерием? И Рим на опыте узнал христорборцев, и ему уже сделалось известным, чему не верил прежде, слыша, как другие церкви по городам были ими разоряемы.

Все же это, как и везде против других, приводили в движение евнухи. И в этом злоумышлении странно то, что арианская ересь, отрицающая Божия Сына, находит себе помощь в евнухах, которые, как по природе, так и по душе бесплодны добродетелями и вовсе не терпят

слышать о Сыне. Ефиопский евнух, не понимая, что читал, поверил Филиппу, который учил о Спасителе ([Деян. 8:27-39](#)); но Констанциевы евнухи не терпят исповедующего Петра, отвращаются даже, когда Отец показывает Сына, с неистовством восстают на утверждающих, что есть преискренный Божий Сын, присвоив себе скопческую ересь, будто бы ничего нет преискренного и истинного от Отца. Посему — то и закон запрещает допускать евнухов в церковное совещание. Однако же, ныне и они признаются владыками церковных судов, и что им заблагорассудится, то присуждает Констанций; а так называемые епископы притворствуют. О, кто будет описателем всего этого? Кто возвестит об этом иному роду? Кто поверит, слыша, что евнухи, которым едва доверяются домашние службы (потому что это род людей сластолюбивых, о том только заботящихся, чтобы воспрепятствовать и другим, в чем отказано им природою), управляют ныне делами церковными? И их — то власти подпав, Констанций злоумышлял против всего и изгнал в заточение Либерия.

39) Много писал Царь в Рим, много было угроз, много отправлено послов, много устроено козней; наконец, настало гонение и на Александрию. Либерий повлечен к Царю и с великим пред ним дерзновением говорит: «Перестань гнать христиан, не покушайся чрез нас ввести нечестие в Церковь; мы готовы потерпеть все, только не называться арианами; не принуждай нас христиан сделаться христорборцами. И тебе советуем это: не противоборствуй Даровавшему тебе власть сию; не воздавай Ему, вместо благодарности, нечестием; не будь гонителем верующих в Него, чтобы и тебе не услышать: «жестоко ты есть противу рожну прати» ([Деян. 9:5](#)). Но, а если бы ты услышал это, чтобы и тебе уверовать, как святому Павлу. Вот и мы перед тобою, пришли прежде, нежели выдумают предлог к обвинению. Для того и поспешили, зная, что от тебя ждет нас заточение, чтобы потерпеть это прежде предлога к обвинению и чтобы всякому было явно, что и все прочие пострадали также, как и мы, и разглашенные предлоги к их обвинению были выдуманы врагами, и все, против них представленное, есть клевета и ложь».

40) Так говоря, Либерий всех тогда привел в удивление. А Царь, вместо того, чтобы отвечать, дал только приказание, и послал в заточение каждого в отдельное место, как поступил и с прежними. Сей образ заточения ввел он, чтобы и в наказаниях превзойти жестокостью бывших прежде него мучителей и гонителей. Ибо в прежнее, бывшее тогда гонение, Максимиан общим определением многих вместе исповедников посылал в заточение, и тем облегчал наказание, доставляя им утешение позволением жить вместе. А Констанций и его превзошел жестокостью, и стал посылать в разные места тех, которые сообща действовали в дерзновении и исповедничестве, стал разлучать соединенных верою, чтобы и умирая не видали они друг друга. Он думал, что телесная разлука расторгнет и душевное расположение, и разлученные между собою забудут взаимное единомыслие и единокровие. Но не знает того, что, хотя каждый останется один, однако же, с ним пребывает еще тот Господь, Которого исповедовали они живя совокупно, и Который сделает, как и сотворил с Пророком Елиссеем, что с каждым будет «множае», нежели воинов с Констанцием ([4 Цар. 6:16](#)). Подлинно злоба слепа. Чем думали оскорбить исповедников, разлучая их между собою, тем наипаче сильно повредили себе самим. Если бы исповедники жили неразлучно и все находились в одном месте, то ненависть нечестивых была бы известною в одном же месте. А теперь, разлучив их, сделали, что повсюду пронесены и везде стали известны и нечестивая ересь и их лукавство.

41) Чего же достигли они, поступая так? Кто, услышав об этом, не почитет их скорее всем иным, только не христианами?

Поелику Либерий послал к Царю с письмом пресвитера Евтропия и диакона Илария, когда явился исповедником Люцифер с дружиною, то пресвитера немедленно послали в заточение, а диакона Илария сперва обнажили, секли, а потом сослали, приговаривая: «для чего не противишься Либерию, но еще носишь от него письма»? Это сделали Урзаций и Валент и с

ними евнухи. И диакон, когда секли его, благословлял Господа, припомнив сказанное Им: «плещи моя вдах на раны» ([Ис. 50:6](#)). А бичующие смеялись и издевались над ним, не стыдясь, что оскорбляют Левита. И они смеясь рассуждали, о чем было им прилично, Иларий же продолжал благословлять Господа; потому что терпеть биение свойственно христианам, но чтобы бичевать христиан, на это нужна Пилатова и Каиафина дерзость.

Так еще вначале покушались растлить и римскую Церковь, желая и в нее внести нечестие. Заточенный Либерий чрез два года изнемог в силах, и убоявшись смерти, какою угрожали, подписался. Но этим доказываются как их насилие, так в Либерии ненависть к ереси и справедливость его в пользу Афанасия, когда имел свободное произволение. Ибо что сделано после истязаний вопреки первоначальному мнению, в том видно изволение не убоявшихся, но истязующих. Хотя все покушались делать в пользу ереси, однако же, в каждой Церкви, соблюдая веру, какой научились, ожидают учителей, христорборную же ересь осудили, и все бегут от нее, как от змия.

42) Злочестивые, совершив такое множество и таких дел, думали, что ничего еще ими не сделано, пока великий Осия не испытал на себе их лукавства. И на такого старца замыслили они простираť свое неистовство, не устыдились, что он отец епископов, не уважили того, что был он исповедником, не почтили долголетнего епископства, в котором пребывал он более шестидесяти лет. Напротив того, все вменили в ничто, а имели ввиду одну только ересь эти, подлинно ни Бога не боящиеся, ни людей не стыдящиеся люди. Поэтому, приступив к Констанцию, обратились опять к нему с такими словами: «все мы сделали, заточили римского Епископа, а прежде него заточили многих других епископов, и всякое место наполнили страхом; но ни к чему не служат нам такие действия твои, и нимало не успеваешь дело наше, пока остается Осия. Поелику он между своими, то и все при своих церквях; он один словом и верою может восставить всех против нас. Он председательствует на Соборах, писаниям его везде внимают; он и в Никее излагал веру, и об арианах везде проповедал, что они еретики. Поэтому, ежели он останется, то напрасно было заточение других: ересь наша гибнет. Воздвигни же гонение и на него, не пощади, что он древен, ересь наша не знает уважения к старческим сединам».

43) Слыша это, Царь не замедлил; но зная этого мужа, зная способности старца, пишет и повелевает, чтобы явился к нему Осия, когда подвергал он искушению и Либерия. Осия пришел. Царь стал просить и убеждать его обычными ему словами, какими думал обольщать и других, а именно, чтобы подписался против нас и вступил в общение с арианами. Старец, с неприятностью выслушав и оскорбившись даже тем, что говорят ему нечто подобное, обличил и убедил Царя, и удалился в свое отечество и к своей Церкви. Но, поелику еретики стали сетовать и снова подстрекать Царя, были же у него и евнухи, напоминавшие об этом и еще более раздражавшие, то Царь пишет уже с угрозами. Осия терпит оскорбления, но не трогается страхом козней. Будучи тверд в мыслях и на камени создав дом веры своей, дерзновенно подвизается против ереси, угрозы же в царском письме почитает дождевыми каплями и дуновением ветра. Констанций пишет к нему многократно, то ласкает его, как отца, то угрожает, переименовывает заточенных и говорит: «Еще ли ты один будешь против ереси? Послушайся, подпишись к осуждению Афанасия. Ибо кто против него, тот, без сомнения, за одно с нами думает по — ариански». Осия не колебался, но, терпя обиды, сам написал к Констанцию; мы читали послание его, и оно приложено в конце⁹.

Осия Констанцию Царю желает о Господе радоваться.

44) Не отрекался я быть исповедником и прежде, когда было гонение при деде твоём Максимиане. Если и ты меня гонишь, то я готов и теперь лучше потерпеть, что бы то ни было, нежели пролить невинную кровь и изменить истине. Не одобряю же тебя за такие письма и

угрозы; перестань писать подобные письма, не держись Ариевых мыслей, не слушай восточных, не верь Урзацию и Валенту; что говорят они, говорят не в пользу Афанасия, но в пользу своей ереси. Поверь мне, Констанций, по возрасту могу быть тебе дедом; сам я был на сардикийском Соборе, когда всех нас собрали ты и, блаженной памяти, брат твой Констанс; и сам от себя Афанасиевых врагов, пришедших в ту церковь, в которой пребывал я, вызывал сказать, если имеют что против Афанасия, требуя от них, чтобы они были благонадежны и ничего иного не ожидали, кроме правдивого во всем суда. И не однажды, но двукратно делал я это, убеждая сказать, если не захотят при целом Соборе, то хотя при мне одном, снова обещая, что если окажется Афанасий виновным, будет отринут и нами; если же найден будет невинным и обличит вас в клевете, вы же станете отвергать его, уговорю Афанасия идти со мною в Испанию.

И Афанасий соглашался на это и не противоречил; они же, не полагаясь на себя, от всего равно отказались. И еще, Афанасий был в твоём стане, когда вызвал ты его письмом, и он просил, чтобы враги его, находящиеся в самой Антиохии, были позваны все, или каждый порознь, чтобы или его изобличили, или сами были обличены, и чтобы или в присутствии его доказали, что говорят, или не клеветали заочно. И ты не принял того, что сказал он, да и враги его отказывались от сего. Для чего же слушаешь еще отзывающихся о нем худо? Для чего терпишь Валента и Урзация, хотя они раскаялись и письменно признались в клевете своей? Ибо призвались они, что не по принуждению (как представляют теперь), не под прикрытием воинов, не с ведома брата твоего (при нем не бывало того, что делается ныне, да не будет сего!), но сами, по своей воле, пришли в Рим, и в присутствии Епископа и пресвитеров написали свое признание, написав прежде мирное и дружественное послание к Афанасию. Если же представляют теперь в предлог сделанное им принуждение и признают это делом худым, и ты не одобряешь сего; то сам ты перестань делать принуждения, не пиши, не посылай комитов, но освободи и заточенных, чтобы, когда тебя самого винят в насилиях, еретики не делали еще большего насилия. Бывало ли что подобное при Констансе? Кто из епископов был заточен? Вступал ли он когда в среду церковного суждения? Какой из царедворцев его принуждал подписываться к чьему — либо обвинению, как утверждает это Валент? Перестань, умоляю тебя, вспомни, что и ты человек смертный, убойся дня судного, сохрани себя на оный чистым. Не вступайся в дела существенно церковные и не давай нам приказаний относительно их; а лучше, принимай учение от нас. Тебе вручил Бог царство, а нам вверил дела Церкви. И как восхищающий себе твою власть противоречит учредителю Богу: так бойся и ты, чтобы, захватывая в свои руки церковные дела, не подпасть ответственности в тяжкой вине. Написано: «воздадите... кесарева кесареви, и Божия Богови» ([Матф. 22:21](#)). Посему, как нам не позволено властвовать на земле, так и ты, Царь, не имеешь власти приносить кадило. Пишу тебе это, заботясь о твоём спасении; а о чем ты ко мне писал, таково мое мнение: не только не согласен я с арианами, но и анафеме предаю их ересь; не подпишусь и к осуждению Афанасия, которого мы, римская Церковь и целый Собор оправдали. Сие видя, и ты вызывал к себе этого человека, и позволил ему с честью возвратиться в отечество и в Церковь. Посему, какой был предлог к такой перемене? Те же у Афанасия враги и прежде были и теперь, и что теперь наушничают (в присутствии же его ничего не говорят), то наговаривали и прежде, нежели ты вызывал Афанасия, тоже разглашали и пришедши на Собор; а когда потребовал я, как сказано выше, не возмogli представить доказательств. Если бы имели доказательства, то не бежали бы так постыдно. Посему, кто же убедил тебя, по прошествии столького времени, забыть свои письма и слова? Удержись, и не слушайся злых людей, чтобы за взаимную услужливость самому не сделаться виновным. Здесь угождаешь им, а на суде будешь отвечать один. Они чрез тебя желают отмстить врагу своему и тебя хотят сделать служителем своего лукавства, чтобы чрез тебя посеять в Церкви и ненавистную ересь. Но неблагоприятно, в удовольствие других,

вергать себя в очевидную опасность. Перестань, умоляю тебя, и послушайся меня, Констанций. Ибо прилично и мне написать это, и тебе не пренебрегать этим.

45) Так мудрствовал и писал авраамский старец, истинный¹⁰ Осия. Но Царь не отступился от козней, не перестал искать предлога к его обвинению, и продолжал страшно угрожать, чтобы, или принуждением совратить, или, ежели не послушается, заточить его. Как «чиновницы... и князи» в Вавилоне, ища вины на Даниила, не обретали, разве только в законах Бога его ([Дан. 6:4, 5](#)): так и нынешние князи нечестия не могли выдумать на старца иного предлога (потому что всем был известен сей истинный Осия, известна была и неукоризненная жизнь его), кроме ненависти его к ереси. Посему и на него клеветают, впрочем не как на Даниила Дарию (потому что Дарий неохотно слушал, что говорили на Даниила), но как Иезавель на Навуфея, и как иудеи Ироду, говоря так: «Не только не подписывает определения на Афанасия, но и нас за него осуждает, и столько ненавидит ересь, что и другим пишет: лучше претерпеть вам смерть, нежели стать предателями истины. Ибо за нее гонимы и возлюбленный нами Афанасий и римский Епископ Либерий, даже строят козни всем прочим». Выслушав это, особливо же узнав, что в Испании и другие одинаковых мыслей с Осиею, покровитель нечестия и ереси, Царь Констанций пытался склонить их к подписи; и когда не мог к тому принудить, вызывает Осию. И вместо заточения целый год удерживает его в Сирмии сей безбожный, злочестивый и немилосердый, и Бога не убоявшись и не уважив расположения, какое отец его имел к Осии, не устыдившись и столетней его старости. Все это оставил без внимания ради нечестия сей новый Ахаав и другой явившийся у нас Валтасар. Столько делал насилия старцу, до того удерживал его, что он измученный едва принял в общение Валента и Урзация, но не подписал Афанасиева осуждения. Впрочем, и это беспокоило старца; и когда приближался к смерти, как бы завещавая свидетельствовал он о сделанном ему насилии, предавал анафеме ересь и всякому запрещал принимать ее.

46) Кто, видя это или только слыша об этом, не придет в изумление и не возопиет ко Господу, говоря: ужели в потребление сотворишь Израиля ([Иезек. 11:13](#))? Кто, примечая это, и сам благовременно не возопиет, говоря: «ужас и страшная содеяшася на земли» ([Иер. 5:30](#)); и: «ужасеся небо... и вострепета земля попремногу зело» ([Иер. 2:12](#)). Отцы людей и учителя веры поемлются, а нечестивые вводятся в Церковь! Когда заточен был Либерий Епископ римский, и столько пострадал Отец епископов великий Осия, заточаемы были столь многие Епископы Испании и других стран: кто, видя все это, если имел хотя несколько чувства, не понимал, что на Афанасия и на других представленные предлоги ложны и что все исполнено клеветы? Посему — то и переносили все терпеливо, видя злоумышленные клеветы ариан. Ибо какая вина приписана Либерию? Какое обвинение сделано на старца Осию? Кто хотя бы солгал что на Павлина, на Люцифера, на Дионисия, на Евсевия? Или, какой проступок указан у других заточенных епископов, пресвитеров и диаконов? Ни одного; совершенно ни одного. Не по поводу преступлений составлялись заговоры и не по обвинению заточен был каждый, это было восстание нечестия на благочестие, и сколько усердие к арианской ереси, столько и предначатие пришествия Антихристового. Ибо Антихристу предуготовлял путь Констанций.

47) После того как в церквях Италии и других стран Царь сделал все, чего ему хотелось, после того как одних заточал, других принуждал и повсюду наполнял все страхом, обратил он ярость свою, подобно какой — то болезни, на Александрию. Делалось же это христорборцами злокозненно, чтобы иметь, наконец, подписи многих епископов; а чтобы у гонимого Афанасия не было даже епископа, пред которым бы мог жаловаться, предварительно повсюду наполнили они все страхом, и страх соблюли в помощники себе при своих кознях эти неразумные, не зная того, что обнаруживали этим не произволение епископов, но сделанное им принуждение. Не знали они, что хотя оставят братья, далеко будут и друзья и знакомые, не найдется человека,

который бы вместе поскорбел и утешил, однако же, паче всего этого достаточная помощь прибежище к Богу. И Илия гонимый оставлен один, но всем и во всем был для Святого Бог. И Спаситель показал нам сей же образ, и один был оставлен, когда злоумышляли на Него враги. И мы, если во время гонения оставлены будем людьми, «да не стужаем си» ([Гал. 6:9](#)), но на Него возложим надежду и не изменим истине. Если истина вначале, по — видимому, и утеснена, то впоследствии признают ее и сами гонители.

48) Царя побуждают, и он сперва пишет и посылает угрозы Дуку и воинам; отправлены письмоводцы Диогений и Иларий, а с ними и придворные; воздвигнуто на Церковь столько ужасов и жестокостей, как говорили мы об этом несколько выше, и как всякому известно из показаний, данных народом, какие иной может и прочесть, потому что помещены в конце сего. А потом, после того, что сделано Сирианом, после всего, что было в Александрии, после оскорбления дев, Царь, одоблив такие и в такой мере худые дела, снова пишет александрийскому сенату и народу, и поощряет молодых людей, чтобы все они сошлись и воздвигли гонение на Афанасия, или знали, что иначе они враги Царю. Но Афанасий, прежде нежели пришли в Александрию предписания, по которым Сириан напал на церковь, удалился уже, зная написанное: «укрыйся мало елико елико, дондеже мимоидет гнев» ([Ис. 26:20](#)). Подателем же этих писем служит некто Ираклий, саном комит, предшествуя какому — то, посланному Царем соглядатаю, Георгию, потому что присланный им не мог быть епископом (да не будет сего!), как показывают самые события и то, чем началось его вшествие.

49—50) Ираклий обнародовал царские письма и обнаружил великий позор писавшего. Поелику, как писал великий Осия, Царь не находил правдоподобного предлога к перемене своих расположений; то выдумывал предлог еще гораздо более неприличный и для него самого и для его советников. Ибо говорил: «уважая приязнь, боголепной и благочестивой памяти, брата, дозволил я Афанасию на время возвратиться к вам». А это и доказывает, что не сдержал он обещания и непризнателен к брату по смерти. Притом, именует брата достойным боголепной и благочестивой памяти (как и действительно он достоин); посему, должен был соблюсти его заповедь и приязнь, как писал (если только и для блаженной памяти Констанса дозволил возвратиться Афанасию), чтобы не нарушить своих обязанностей к брату, но сделаться наследником как царства, так и воли его. Захотев выставить свои права, отверг он Вретаниона, сказав: «кому по смерти братьев принадлежит наследство»? Ради же ненавистной ереси христорцев не знает он прав, но нарушает обязанности к братьям. Для этой же ереси не подумал он сохранить ненарушенною и волю отца, но в угодном для нечестивых показывает вид, что соблюдает ее, а в неприятном для них не умеет сохранить уважения и к отцу. Ибо отец вследствие клеветы Евсевиевых сообщников послал на время Епископа Афанасия в Галлию, чтоб укрыть от жестокости злоумышляющих (это сделал известным по смерти отца, блаженной памяти, Константин брат Констанциев, как видно из писем его); однако же, не послушался этих Евсевиевых сообщников, чтобы послать епископом, кого они желали, но воспрепятствовал их желанию, и предприятие их остановил сильными угрозами.

51) Если Констанций хотел сохранить волю своего родителя, как пишет; то для чего же послал сперва Григория, а теперь посылает этого мироядца Георгия? Или, для чего ариан, которых тот называл порфирианами, старается он ввести в Церковь, и им покровительствуя, других заточает? Если и отец его допустил к себе Ария, то Арий, нарушивший клятву и расседшийся, утратил благорасположение к нему отца; как скоро узнал об этом Константин, осуждал уже его, как еретика. Почему же Констанций, выставляя на вид, что заботится о церковных правилах, все замыслил делать вопреки правилам? Ибо где правило посылать епископа от двора? Или, где правило, чтобы воины вторгались в церкви? Кто сообщил такое предание, чтобы церковными делами управляли комиты и несмысленные евнухи, к своим

предписанием объявляли определение так называемых епископов? Всякую ложь употребляет он в пользу нечестивой ереси. Вопреки воле отца и тогда послал в другой раз Филагрия епархом, вопреки ему сделано и теперь бывшее. И для брата не стоит он во истине. Ибо, по смерти его, не раз и не два, но трижды писал Епископу, и еще обещал не переменять своего решения, даже советовал твердо надеяться, что никто не потревожит его, но без всяких беспокойств будет оставаться он в Церкви. С комитом же Астерием и письмоводцем Палладием послал предписания к тогдашнему дуку Фелициссиму и к епарху Несторию, чтобы они воспретили, если епарх Филипп или другой кто осмелится злоумышлять против Афанасия.

52) Посему, когда прибыл Диоген, и Сириан строил козни, и он, и мы, и народ требовали царских посланий, думая, что как, по написанному: «ничто же ложно от языка цареви да глаголется» ([Прит. 24:22b](#)), так и наш Царь, обещав, не солжет и не переменится. Посему, если дозволил для брата, то почему писал и по смерти его? А если и в этом случае писал ради его же памяти, то почему впоследствии стал вовсе непризнательным к брату и гонит Афанасия? Почему пища ссылается на суд епископов, а сам делает, что ему угодно, и притом не скрытно, но имея близ себя уличение в злоухищрении? Ежели это определение епископов, то как это касается до Царя? А если царская это угроза, то какая здесь потребность в именуемых епископах? Слышно ли было что подобное от начала века? Когда суждение Церкви получало свою силу от царя, или вообще признавалось за определение? Много было Соборов прежде сего, много составлялось церковных определений; но и Отцы никогда не требовали совета от царя, ни царь не входил в дела существенно церковные. Апостол Павел имел друзьями принадлежавших к Кесареву дому, и пища к Филиппийцам, приветствовал их от имени этих друзей, но никогда не делал их сообщниками в своих определениях. А теперь новое зрелище, и оно есть изобретение арианской ереси. Собрались вместе еретики и Царь Констанций, чтобы и ему, ссылаясь на епископов, по своей власти делать, что хочет, и воздвигая гонение, не называться гонителем, и им, опираясь на могущество Царя, злоумышлять против кого хотят; угодно же им злоумышлять против тех, которые не мыслят также нечестиво, как они. И увидишь, что это разыгрывается у них как бы на зрелище: так, именуемые епископы лицедействуют, а Констанций распоряжается ими. И еще, Царь дает обещания, как Ирод Иродиаде, они же пляшут и телодвижениями выражают клеветы, чтобы заточать и предавать смерти благочестующих пред Господом.

53) Кому не повредили они своими клеветами? Против кого не злоумышляли христорборцы? Кого, оговоренного ими, не заточил Констанций? Когда не выслушивал их охотно? И что странно: принимал ли когда чье — либо слово против них, не скорее ли одобрял каждое их слово, что ни сказали бы они? Какая Церковь со всею свободою покланяется ныне Христу? Если благочестива, то бедствует; если притворствуется, то страшится. Констанций, сколько было ему возможно, все наполнил лицемерием и нечестием. Ежели где есть кто — либо благочестивый и христолюбец (повсюду же много таковых); то подобно Пророкам и великому Илии они скрываются, если только найдут где верного человека, подобного Авдии, или же удаляются в вертепы и пропасти земные, или проводят жизнь, обходя пустыни. Эти безумцы также клеветают, как и Иезавель выдумывала на Навуфея, и иудеи на Спасителя. И наконец, покровительствуя ереси, желая превратить истину, как Ахааву хотелось виноградник превратить в вертоград зелий, Констанций делает все, что они захотят, потому что и сам слышал от них, что хотел.

54) Таким образом, по сказанному выше, истинных епископов за то, что не принимали нечестия, Царь заточал, как хотел. Так и против Афанасия послал теперь комита Ираклия, и он всенародно предложил предписания, объявил и царский приказ, что, если не послушаются писаний, прекратится выдача хлеба, ниспровергнуты будут идолы, многие из чиновных граждан

и из простого народа будут непременно проданы в рабство. А после этих угроз посланный не устыдился при всем народе громко сказать: «Царь удаляет Афанасия и церкви велел отдать арианам». Все дивились этому, подавали друг другу знаки и говорили: «если Констанций стал еретиком, то стыдиться сего должно». Ираклий же еще более стал принуждать сенаторов, простолюдинов, языческих храмоблюстителей, чтобы подписались к этому и дали слово принять, кого Царь пришлет епископом. И прекрасно защищал Констанций правила Церкви, поступая так, не в Церкви требуя подписи, но на площади, не у христиан, но у языческих храмоблюстителей; ибо знал, что посылает не епископа христианам, но какого — то любителя тяжб подписывающимся.

55) Посему язычники, этою подписью как бы покупая неприкосновенность своих идолов, также некоторые из рабочих, по причине сказанных выше Ираклиевых угроз, хотя не охотно, однако же подписались, как будто шло дело о народном правителе или ином присылаемом судии. Да и что могли сделать они, будучи язычниками, кроме того, что угодно было Царю? Поелику же верные собрались в великой церкви (была же тогда середина); то комит Ираклий берет с собою на следующий день египетского епарха Катафрония, католикоса Фавстина и еретика Вифина, и побуждают на площадях молодых людей и чтителей идолов сделать нападение на церковь и побивать камнями верных, уверяя, что есть на это приказ самого Царя. Большая часть верных вышли уже из церкви, потому что отпуск был сделан, оставалось там несколько женщин; тогда началось исполнение приказаний, и жалкое открылось зрелище. Женщины в небольшом числе сидели одни после молитвы; вдруг входят обнаженные юноши с камнями и палками, некоторых побивают камнями, святым телам дев наносят удары эти безбожники, срывают с них покрывала, обнажают их головы, влекут и попирают ногами эти злосчастные. Ужасно, крайне ужасно это; но что было после, то еще ужаснее и несноснее всякого оскорбление. Видя скромность дев и непорочность их слуха, зная, что для них сноснее камни и мечи, нежели срамословие, к этому средству прибегают нападающие на них. И это молодым людям внушали ариане, потому что смеялись, когда те говорили и делали. Святые же девы и другие честные жены бежали от таких слов, как от угрызения аспидов; христоропцы помогали молодым людям, а может быть, участвовали с ними и в срамословии, потому что услаждались непотребными словами, какие вырывались из уст у молодых людей.

56) Потом, как бы для совершенного исполнения приказа (о чем и старались особенно, чего и требовали комит и католикос), похитив из церкви сопрестол, святительский престол и святую трапезу, которая была деревянная, церковные завесы и все прочее, что только могли, вынеся вон, зажгли пред церковными дверями на большой площадке и кидали туда ладан. О, кто, слыша это, не прольет слез и даже не заградит своего слуха, не терпя, когда говорит об этом и другой, почитая вредным слышать что — либо подобное! Они прославляли своих идолов и говорили: «язычником стал Констанций; ариане признали нашу веру; не задумываются даже прикрывать себя язычеством, только бы утвердилась их ересь». И телицу, на которой возили воду для орошения садов в Кесареуме, готовы были принести в жертву и действительно принесли бы, если бы это был телец; животных же женского пола, как говорили, не позволялось у них приносить в жертву.

57) Подобные дела совершали злочестивые ариане вместе с язычниками, думая нанести тем нам оскорбление. Но Божий суд обличил их лукавство и произвел некое великое и чудное знамение, и в этом показал всем ясно, что они, как злочестивцы, восстают не против кого иного, но против Господа. Поступая таким образом, вознамерились они еще нанести оскорбление Господу; и это всего очевиднее было доказано совершившимся чудом. Один развратный молодой человек, войдя в церковь, осмелился сесть на святительский престол, и сидя на нем, этот несчастный ноздрями своими производил какие — то блудодейные звуки, потом встав

усиливался сдвинуть престол с места и привлечь к себе; но не знал он, что навлекает на себя казнь. Ибо, как некогда жители Азота, осмелившись коснуться ковчега, на который непозволительно им было даже и смотреть, тотчас погибали от него, поражаемые прежде мучительною болезнью их седалищ; так и этот несчастный, едва осмелился сдвинуть престол, влекомое им привлекал сам на себя, и как будто древо сие наслало на него казнь, ударился он о престол чревом своим и, вместо престола, этим ударом исторг из себя внутренности, и престол скорее исторг из него жизнь, нежели сам был им сдвинут с места. Итак, «излияся... утроба его», как написано об Иуде ([Деян. 1:18](#)), упал он, был вынесен и чрез один день погиб. Другой, войдя с ветвями в руках и как язычник махая ими и смеясь, немедленно ослеп, не видел, не знал, где он теперь, и готовый также упасть, выведен за руку бывшими тут, и ими поддерживаемый вышел, едва опомнившись через день и не знал этот дерзновенный, что он сделал и что с ним было.

58) Язычники, видя это, пришли в страх и не отваживались ни на что более; ариане же и при этом не устыдились, но, как Иудеи, видя знамение не верили и эти неверные, и еще более ожесточались подобно Фараону, имея надежды, сокрытые где — то долу в царе и в его евнухах. Как язычникам, вернее же сказать негоднейшим из язычников, дозволили они делать описанное выше, потому что распорядился ими и поощрял их к этому Фавстин, именуемый католикосом, но человек грубый нравом и развратный в душе; так ариане и сами стали поступать, подобно язычникам, чтобы, как ересь свою составили по образцу других ересей, так и в лукавстве им участвовать с непотребными. Посему, как сказано, иное делали чрез язычников; а что преступное совершали сами, то не превосходит ли всякое лукавство, не превышает ли злобу всякого кровопийцы? Какой дом не был ими разорен? Чье жилище, под видом осмотра, не было разграблено? Какой сад не потоптан? Какой гроб не открыт? В предлог представляли они, что ищут Афанасия; а действительным намерением их было все расхищать и грабить встречающихся. У сколь многих дома были опечатаны? У сколь многих, что было в их странноприимницах, роздано воинам, которые помогали арианам? Кто не испытал на себе их злобы? Кто, встретившись с ними на площади, не спешил укрыться? Кто, ради них оставив дом свой, не проводил ночи в пустыне? Кто, спеша сохранить от них свою собственность, не терял большей части имущества? Всякий незнакомый с морем не решался ли лучше пуститься в оное и изведать его опасность, нежели видеть их угрозы? Многие переходили из дома в дом, переселялись из улицы в улицу, из города в предместье. Как многие понесли разные убытки? Не имея при себе ничего, брали в заем у других, только бы избавиться от злоумышления еретиков.

59) Они всем показывали себя страшными, со всеми вели себя высокомерно, всякому ставя на вид имя Царя и как угрожая его гневом, так споспешниками в лукавстве имея дука Севастиана — манихея и развратного молодого человека, также епарха, комита и лицемера католикоса. Многих дев, которые осуждали их нечестие и исповедовали истину, выбрасывали из домов, иных оскорбляли, когда они проходили по улицам, молодых людей из своего круга заставляли обнажать им головы, и женам своим дали волю оскорблять, какую хотят женщину. Честные и верные женщины уклонялись и уступали им дорогу; они же, ходя подобно Менадам и Эринниям, почитали несчастием, если не находили, кого обидеть, и со скорбью проводили тот день, в который не могли сделать зла. И вообще для всех были они столько свирепы и жестоки, что всякий называл их кровопийцами, убийцами, негодьями, подсмотрщиками, злодеями и всякими другими именами, только не христианами.

60) Подражая скифам, схватили они иподиакона Евтихия, мужа прекрасно служившего Церкви, и избив воловьими жилами по хребту почти до смерти, требовали, чтобы сослан он был в рудокопню, и притом, не в какую — либо простую, но в ту, которая в Фено, где и осужденный убийца едва может прожить немного дней. Но что необычайно, не дали они Евтихию и

несколько часов успокоиться после нанесенных ран, но настояли, чтобы немедленно был отослан, говоря: «если так будет сделано, все устроятся и будут уже заодно с нами». Но Евтихий отошел не далеко, в изнеможении от ран не мог достигнуть рудокопни и умер в дороге. И он скончался с радостью, приобретя славу мученичества; нечестивые же и при этом не устыдились, но по Писанию, имея «немиловидные... утробы» ([Притч. 12:10](#)), к тому, что сделали, присоединили еще нечто сатанинское. Поелику народ просил за Евтихия и умолял о нем, то домоглись, чтобы захвачены были еще четыре мужа превосходных и благородных, в числе же их и Ермий, омывавший недвижимо больных; и Дук, дав им много ударов бичом, вверг их в темницу. Но ариане, превосходя жестокостью и скифов, когда увидели, что не скончались они от ударов, укоряли Дука и грозили ему, говоря: «напишем евреям, что не сечет, как нам желательно». Услышав это и пришедши в страх, принужден был Дук в другой раз бить этих людей. А они, зная, за что бьют их и кем оклеветаны, не иное что говорили, но только: «нас бьют, потому что стоим за истину, а не вступаем в общение с еретиками; бей нас, сколько хочешь; и тебя будет судить за это Бог». Так нечестивые хотели, чтобы и в темнице они бедствовали и умерли. Но народ Божий, улучив время, упросил за них, и едва чрез семь или более дней освободили их.

61) Ариане, как бы опечалившись, предприняли сделать нечто еще более жестокое и нечестивое, конечно для всех жестокое, но сообразное христорборной их ереси. Господь заповедал помнить о нищих, говоря: «продадите имения... и дадите милостыню» ([Лук. 12:33](#)), и: «взвалкайся... и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя... Понеже сотвористе единому сих... меньших, Мне сотвористе» ([Матф. 25:35, 40](#)). Ариане же, как действительно мудрствующие против Христа, и в этом осмелились противоборствовать Его воле. Когда Дук передал церкви арианам, нуждающимся и вдовам невозможно стало пребывать в них, и они садились на местах, указанных клириками, попечению которых вверены вдовы. Поелику же ариане увидели, что братия усердно подают им и питают вдов; то стали их бить по ногам и прогнали, а подающих оклеветали Дуку. И это сделано одним воином Динамием, было же приятно и Севастиану; потому что у манихеев нет милосердия, и подать милостыню нищему для них ненавистное дело. Отсюда новый повод к укоризнам; и в первый теперь раз выдуманно ими судилище, человек был судим за благодеяние, подающего милостыню обвиняли, облагодетельствованного били, хотели лучше, чтобы нищий был голоден, нежели чтоб желающий подать милостыню подавал ее. И сему — то еще у древних иудеев научились новые сии иудеи. Ибо и те, видя, что слепой от рождения прозрел и долгое время бывший расслабленным стал здоров, облагодетельствовавшего Господа обвиняли, а получивших благодеяние осуждали как законопреступников.

62) Кто же не удивлялся при этом? Кто не проклинал ереси и ее защитников? Кто не признавал, что ариане свирепее и зверей? Ибо скверные эти не приобрели той выгоды, для которой делали это; а напротив того, еще более увеличили общую к ним ненависть. Думали, что злоумышлением и страхом принудят иных вступить в ересь и с ними вместе отправлять богослужение, но произошло противное тому. Страждущие от них все, что ни сделано было ими, переносили как мученический подвиг, и не изменили, не отреклись от благочестивой веры во Христа; а смотревшие на ариан со стороны, даже и самые язычники, проклинали их, как антихристов, как кровопийц, потому что род человеческий нищелюбив и сострадателен, ариане же утратили и смысл человеческий. Страждущие желали бы видеть благодеяние от других: но ариане, имея на своей стороне власть судей и особенно поощряемые Дуком, не позволяли другим оказывать эти благодеяния.

63) А что делали с пресвитерами и диаконами, как в присутствии Дука и судей выгоняли их, выбрасывая из домов их домашних с помощью воинов и военачальника Горгония, наносившего удары, и как (что всего бесчеловечнее) с поруганием уже у скончавшихся

расхищали хлебы, того невозможно выразить словом; потому что жестокость их превосходит всякое описание. Если бы кто и рассказал это, то может ли подумать, что сказано им что-нибудь? Или, помянув о чем — либо первом, не найдет ли, что второе ужаснее первого, а за тем следующее еще ужаснее и второго? Все их предприятие и нечестивые дела исполнены убийства и злочестия. Столько коварны они сердцем и разнообразны в средствах, что стараются обольстить то обещанием покровительства, то денежными наградами, только бы, когда нет основательных убеждений, хотя этим произвести, по — видимому, какое — нибудь впечатление на простодушных.

64) Кто же после этого назовет их хотя просто язычниками, не говорим уже христианами? Кто предположит в них человеческий, а не скорее зверский нрав, за жестокость и свирепость их дел? Они злее кровопийц, дерзостнее других еретиков, гораздо ниже язычников, лучше же сказать, далеко отстоят от них. Ибо слышал я от Отцов, и верным почитаю слово их, что вначале, когда произошло гонение при Максимиане, Констанциевом деде, язычники скрывали у себя отыскиваемых братьев наших христиан, и часто сами тратили деньги, терпели заключение в темницах, только бы не стать предателями бежавших. Как сами себя охраняли они прибегнувших к ним, и готовы были за них бедствовать. А теперь, чудные эти люди, изобретатели новой ереси, не иным чем отличающиеся, как только злоумышлениями, поступают совершенно напротив того. Сами став исполнителями наказаний, стараются всех предать, строят укрывающим козни, но почитая врагом и укрывающего и укрываемого. Так они кровожадны, и Иудину лукавству поревновали эти злодеи.

65) И невозможно в должном виде изобразить, сколько сделано ими зла, разве сказать о них одно что, когда пишу и хочу перечислить лукавые их дела, приходит на мысль: уже ересь сия не та ли, упоминаемая в Притчах, четвертая дочь пиявицы, которая, после стольких неправд, после стольких убийств, не сказала еще: «довлеет» ([Притч. 30:15, 16](#)). Она еще мужается, ходит и отыскивает неузнанных ею; а кому успела нанести обиду, тех старается преобидеть снова. Ибо вот после ночного нашествия, после причиненных ею зол, после гонения, произведенного Ираклием, не перестают еще клеветать Царю; они твердо уверены, что нечестивые выслушиваются. Клеветают же, чтобы произошло нечто большее заточения, и непокорные их нечестиям были, наконец, умерщвляемы. Так и ныне Секунд, этот самый злой пентаполит, и равный ему в жестокости Стефан, приняв дерзость, зная, что если сделают и неправду, то оправданием послужит им ересь, когда увидели в Барке одного непокорного им пресвитера, а назывался он Секундом, был соименен, но не единовен с еретиком, убили его, растоптав ногами. Убиваемый же уподоблялся святому, говоря: «никто да не отмщает за меня пред судьями, имею своим отмстителем Господа, за Которого и терплю это от них». Но они не ждали над говорившим это, устыдились и дней, потому что убили его в самую Четыредесятницу.

66) Новая подлинно ересь, нечестием и делами всецело представляющая собою дьявола! В первый еще только раз вымышлено это зло. Если, по — видимому, иные и помышляли о ней когда — либо, то скрывали и таили еще такой образ мыслей. Евсевий же и Арий, как змеи, вышедши из норы, изbleвали яд сего нечестия: и Арий принял на себя дерзость изрыгать явную хулу, а Евсевий покровительствовать сей дерзости. Но не мог стать покровителем ереси прежде, пока, как сказано выше, в Царе не нашел ей покровителя. Посему, Отцы наши составили вселенский Собор, и сошедшись в числе более или менее трех сот, осудили арианскую ересь и определили, что она чужда и нова для церковной веры. Но покровители ее, видя себя уже посрамленными и не имея на своей стороне никаких твердых оснований, придумали иной путь и вознамерились защищать ее мирскою властью. При сем иной наипаче подивится их новому и лукавому предприятию и превосходству их ереси пред всеми другими. Ибо вымыслы других

ересей к оболъщению людей простых имеют силу приводить в безумие убедительностью речей. И язычники, как говорил Апостол, действуют превосходством и убедительностью слов и правдоподобными умствованиями ([1 Кор. 2:14](#)). Иудеи же, оставив Божественные Писания, как сказал Апостол, ведут уже спор о баснях и родословиях бесконечных ([1 Тим. 1:4](#)). Манихеи, а с ними Валентиниане и другие, искажая Божественные Писание своими прикровенными словами, слагают басни. Но ариане большею дерзостью отличаются пред всеми другими ересями, и доказали, что они меньшие их сестры; потому что, как сказано, ариане более их нечествуют, и в лукавстве соревнуют всем, наипаче же иудеям. Ибо как иудеи, когда не могли обличить Павла, в чем винули его ложно, немедленно повели его к тысяченачальнику и игемону, так и ариане, выдумывая более иудеев, пользуются одной только властью судей, и как скоро противоречит кто им, влекут его к игемону или к военачальнику.

67) Другие ереси, когда обличает их сама истина своими доказательствами, умолкают, потому что обличения приводят их в стыд; новая же и ненавистная ересь ариан, когда низложена доводами, когда посрамленная самою истиною падает уже, тех самых, кого не может убедить словами, старается привлечь насилием, ранами, темницами; и в этом случае давая о себе знать, что она всего менее богочестива. Ибо богочестию свойственно, как говорили мы, не принуждать, а убеждать. И сам Господь, не принуждая, но отдавая на произволение, говорил как всем: «аще кто хочет по Мне ити» ([Матф. 16:24](#)), так и ученикам: «еда и вы хотите ити?» ([Иоан. 6:67](#)). Эта же ересь совершенно чужда богочестия. Что же, как не противное Спасителю, надлежало ей делать, когда христорборным вождем нечестие избрала себе Констанция, как бы самого антихриста? Ибо он ради ереси старался соревновать в жестокости во — первых и Саулу. Саул, когда иереи снабдили пищею Давида, дает повеление, и все они истреблены числом до трехсот и пяти. Констанций, поелику все бегут от ереси и исповедуется здравая вера в Господа, в ничто обращает целый Собор трех сот Епископов, и самых Епископов заточает, а народу препятствует поучаться благочестию и молиться Богу, воспрещая богослужебные собрания. Саул разорил град иерейский Номву: подобно и сей, еще более увеличивая зло, отдал церкви нечестивым. И как тот клеветника Доика предпочел истинным иереям, а Давида гнал, внемля Зифеям: так сей еретиков предпочитает благочестивым, убегающих от него гонит, внемля евнухам своим, клеветующим на православных, не вникая, что, если что делает и пишет в пользу арианской ереси, то во всем этом восстает он против Спасителя.

68) И Ахаав не делал того с иереями Божиими, на что отважился Констанций против епископов. Тот все еще и по убиении Навуфея сокрушался, и увидев Илию, пришел в страх; а этот не устыдился и великого Осии, не пришел в ужас или в сокрушение, заточив стольких епископов. Но как второй Фараон, тем паче ожесточается, чем более его сокрушают, и каждый день вымышляет худшее и худшее. И что особенно странно в его лукавстве: когда заточаются епископы, случалось и другим людям за виновность в убийстве, или мятеже, или татьбе, подвергаться осуждению по свойству вины своей; и их чрез несколько месяцев по просьбе, как Пилат Варавву, освобождал он, рабов же Христовых не только не отпускает на свободу, но и на заточение осуждает гораздо немилосерднее, став для них неумирающим злом. С одними он дружелюбен по нравам, а православным враг по благочестивой их вере во Христа. Не ясно ли этим показал он всякому, что и тогдашние Иудеи, испросившие себе Варавву, а Господа распявшие, были таковы же, как и нынешние Констанциевы христорборцы, сам же Констанций, может быть, жестокосерднее Пилата? Ибо тот, видя неправду, умыл, по крайней мере, руки; а этот, заточая святых, тем паче скрежещет зубами.

69) И удивительно ли, что, совратившись в нечестие, так жесток он к епископам, когда и собственного своего родства не пощадил, как свойственно человеку? Умертвил он дядей, истребил двоюродных братьев и тестя, на дочери которого был еще женат, не помиловал

страждущих сродников. Всегда и пред всеми был нарушителем клятв; так осмелился быть нечестивым и в отношении к брату. Притворно созидает ему надгробный памятник, и отдает варварам обрученную с ним Олимпиаду, которую тот до самой кончины соблюдал и воспитывал, как будущую супругу свою. Вознамерился нарушить и волю его, хотя обещается быть его наследником, и пишет то, чего постыдился бы всякий, имеющий хотя несколько чувства; а я, сличая его письма, нахожу, что не от природы такие у него расположение, но управляется он внушениями других, вовсе не имея собственного ума. И Соломон говорит: «Царю послушающу словесе неправедна, вси, иже под ним, законопреступницы» ([Притч. 29:12](#)). А он делами своими показывает, что и сам неправеден и окружающие его законопреступники.

70) Посему, когда и сам таков и любит таких людей, может ли когда в чем — либо иметь справедливый и с разумом согласный образ мыслей? Это человек, связанный беззаконием приближенных к нему, его наушники такие люди, у которых мозг потоптан пятами. Посему — то и пишет, и написав раскаивается, и раскаявшись раздражается, и опять сетует, и не зная, что делать, показывает, что душа его лишена всякой мысли. Таков Констанций. Почему, иной справедливо пожалеет о нем скорее, что, свободный по виду и имени, он раб тех, которые влекут его в угодность своему нечестию. Конечно, безумному и обьюродевшему свойственно это, как сказало Писание ([Притч. 7:22](#)). Желая угодить другим, самого себя предаёт на будущем суде на осуждение и в пищу огню, потому что делает, что им угодно, позволяет им злоумышлять против епископов и распоряжаться церквями. Ибо вот и ныне снова возмутил он церкви в Александрии, в Египте и во всех Ливиях, и явно повелел благочестивых епископов вселенской Церкви изгонять из церквей, передавать же все эти церкви мудрствующим по — ариански. И это начал приводить в исполнение военачальник. Епископы в узах, пресвитеры и монашествующие в железных оковах, избитые едва не до смерти, уже изгнаны; все там приведено в смятение, Египет и вся Ливия бедствуют; народ негодует на это незаконное повеление, видит антихристово предуготование, видит, что собственность у них расхищается, и отдается это еретикам.

71) Поэтому, было ли слышимо когда такое беззаконие? Бывало ли когда, даже во время гонения, подобное зло? Прежде гонителями были язычники, но они не вносили идолов в церкви. Покровительница Павла Самосатского Зиновия была иудеянка, но она церкви не отдавала иудеям на синагоги. Это новая мерзость; не просто гонение, но нечто большее гонение, предначатие и предуготование антихристово. Положим, что против Афанасия и против других заточенных епископов выдуманы хотя ложные предлоги; как приводит это к новому начинанию? Какой предлог наиненуют к восстанию против Египта, и всей Ливии, и Пентаполя? Не против того или другого начали злоумышлять, где была бы возможность хотя солгать, но вдруг напали на всех; почему, если бы захотели и выдумать что, явно будут осуждены. Злоба ослепила в этом ум их. Стали требовать, чтобы свергнуты были все епископы без всякого предлога, в доказательство того, что и против Афанасия, и против других заточенных епископов, выдуманы ими ложные предлоги, не ради чего иного, но ради скверной ереси христорборных ариан. Но это уже не тайна, и всякому, особливо ныне, стало явно; потому что Афанасия Царь велел изгнать из города, отдал же церкви арианам.

Афанасиевы пресвитеры и диаконы, поставленные еще Петром и Александром, изгоняются и должны спасаться бегством. А подлинные ариане, не по одной внешности справедливо подозреваемые, но в самом еще начале за ересь вместе с Арием низложенные Епископом Александром, и именно в верхней Ливии Секунд, в Александрии Евзой хананеянин, Юлий, Аммон, Марк, Иринея, Зосим и Сарапион по прозванию Пеликон, и в Ливии Сисиний и с ним другие младшие, разделяющие их нечестие, заняли теперь церкви.

72) Военачальник Севастиан писал к поместным начальникам и к воинским властям

изгнать истинных епископов и на их место ввести держащихся нечестия. И послали в заточение епископов, состарившихся в клире, много лет епископствовавших еще со времени Епископа Александра: Аммония, Ерма, Анагамфа и Марка послали в верхний Оазис, а Муия, Псеносириса, Ниламмона, Плиния, Марка, Афинодора в Аммониаку, не с иною какою мыслию, но чтобы, проходя пустыню, кончили они жизнь; потому что не сжалились и над больными, но гнали и тех, которые по немощи с трудом переносили это, почему несли их на носилках, и по причине болезни их за ними же следовало и нужное к погребению. Один из них умер, и не позволили, чтобы тело его несли свои. Поэтому и Епископа Драконтия заточили в пустынные места около Клисмы, а Филона в Вавилон, Аделфия в фиваидскую Псинаблу; Иеракса же и Диоскора пресвитеров сослали в Сиену; Аммония, Агафона, Агафодемона, Аполлония, Евлогия, Аполлоса, Пафнутия, Гаия и Флавия, престарелых Епископов, и также Епископов Диоскора, Аммония, Ираклида и Псаия принудили к бегству. И одних послали в каменоломню, других гнали, желая довести до смерти, многих же иных ограбили. Даже, сорок человек мирян и дев, сперва поставив на огонь, послали потом в заточение. Девам наносили раны финиковыми жезлами, отчего иные через пять дней умерли, а у других, по причине вонзившихся в тело спиц, надлежало их вырезывать, и они терпели мучения тягчайшие смерти. Но для всякого имеющего здравый смысл еще ужаснее, как ни свойственно это нечестивым: когда мучимые призывали имя Христово, ариане еще более скрежетали на них зубами. Даже, тела отшедших не отдавали своим для погребения, но скрывали, чтобы утаить убийство; однако же, не утаили, потому что видел целый город, и все отвращались от них, как от кровопийц, от злодеев и разбойников. Разоряли они и монастыри; и монахов покушались бросать в огонь; грабили дома; остатки денег, положенные епископом на сохранение в дом свободных граждан, расхищали и присвоили себе; вдов били по пятам; запретили подаяние милостыни.

73) Таковы злодейские поступки ариан. Кто же не ужаснется, услышав, каковы предприятия их безбожия? Довели они до заточения столь почтенных великих старцев и многолетних епископов; а на место их молодых распутных язычников, еще неоглашенных, думая вдруг сделать совершенными, даже двуженцев, обвиняемых в тяжких преступлениях, по причине окружающего их богатства или их силы в гражданском обществе, если давали золото, как бы с торга посылали, именуя их епископами. И для мирян ужаснейшее уже было бедствие. Они отвращались от этих, чуждых для них, арианских наемников; а военачальник наказывал их за это бичеванием, описанием имущества, заключением в темницу (и делал это с удовольствием, как манихей), чтобы не требовали они своих епископов, а приняли тех, которых отвращаются, то есть людей, совершающих такие дела, какие прежде осмеивали и в своих идолах.

74) Видя или слыша это, смотря на высокомерие нечестивых и на такую неправду, кто не восстает, если только он правдолюбив? Ибо «на местех нечестивых стенят праведнии» ([Притч. 28:28](#)). Кто после всего этого, когда нечестие дошло до такого бесстыдства, осмелится еще назвать Костилия¹¹ христианином, а не паче образом антихриста? Ибо чего не достает ему из признаков антихриста. Или почему не будет он признан всюду за антихриста, если этот последний представляется именно таким, каков он? Не по его ли приказанию ариане и язычники в великой церкви, которая в Кесареуме, приносили жертвы и хулили Христа? Видение Даниила не такие ли черты полагает в изображении антихриста: творит брань со святыми, укрепится против них, «превзыдет злобами всех прежних и три цари смирит, и словеса на Вышнего возглаголет... и помыслит пременити времена и закон» ([Дан. 7:24-26](#))? Кто другой, кроме одного Констанция, предпринимал когда — либо подобные дела? Он именно таков, каков был бы антихрист. Покровительствуя нечестивой ереси, он «глаголет словеса на Вышнего»; заточая епископов, творит брань со святыми, хотя не надолго имеет такую власть к своей же

погибели. И злобою превысил он бывших прежде него, придумав новый способ гонения. И по истреблении трех царей, Вретаниона, Магненция и Галла, вскоре стал покровителем ереси и, как исполин, дерзнул превознестись в высокомерии пред Вышним. Он замыслил переменить закон, нарушая Господнее, чрез Апостолов данное, постановление, изменяя церковные обычаи и вымышляя новый способ поставлений. Ибо из другого места за пятьдесят переходов посылал епископов с воинами к народам, их не желающим; и вместо сведений о себе приносят они к народам угрозы и послания к судиям. Так Григория из Каппадокии прислал в Александрию, и Гермения из Кизика переслал в Сирмию, а Кекропия из Лаодикии отправил в Никомидию.

75) Какого — то Авксентия, более любителя тяжб, нежели христианина, из Каппадокии он перевел в Медиолан. И поелику тамошнего Епископа Дионисия, человека благоговейного, послал в заточение за благочестивую веру во Христа; то ему, незнающему даже римского языка и умеющему только нечестивать, повелел быть там епископом. А теперь еще какому — то Георгию, родом каппадокиянину, бывшему сборщиком податей в Константинополе и все присвоившему себе, а потому бежавшему, велел войти в Александрию в сопровождении воинов, при содействии военачальника. Потом, нашедши какого — то Эпиктета, дерзкого молодого человека из новообращенных, полюбил его, видя готовым на злые дела, и посредством его строит уже козни, кому хочет из епископов. А Эпиктет готов сделать все, что угодно Царю. Пользуясь этим служителем, и в Риме совершил Констанций дело необычайное и действительное подобие антихристового злоумия. Ибо, вместо церкви приготовив палату и вместо народа призвав трех своих евнухов, трех злонравных соглядатаев (никто не назовет их епископами), принудил в палате поставить в епископы какого — то достойного их Феликса. Ибо весь народ, зная о беззаконии еретиков, не позволял им входить в церкви, но отгонял от них далеко прочь.

76) Посему, чего недостает, чтобы ему быть антихристом? Или, что большего сделает пришедши антихрист? Не найдет ли он, что Констанцием предуготован ему удобный к обольщению путь? Ибо опять вместо церквей в чертоги призывает на суд к себе и сам председательствует на суде. И что чудно: если видит, что недостает обвинителей, сам на себя берет должность обвинителя, чтобы терпящим неправду, при его насилии, не было и возможности оправдаться. Так поступил он в деле с Афанасием. Видя дерзновение Епископов Павлина, Люцифера, Евсевия и Дионисия, как скоро говорящих против Афанасия стали они обличать раскаянием Урзация и Валента и подали голос, что не должно верить Валенту и сообщникам его, как уже раскаявшимся в том, что теперь утверждают, Констанций, тотчас встав с места, сказал: «теперь я обвинитель Афанасиев, для меня поверьте тому, что утверждают они». После сего епископы сказали: «Как можешь быть обвинителем, когда нет здесь обвиняемого? Если ты и обвинитель, то, поелику Афанасия здесь нет, он не может быть судим: не Римский здесь суд, чтобы поверить тебе, как царю; но дело идет об Епископе. И суд должен быть равный и над обвиняющим и над подсудимым. Но почему обвиняешь? Не мог ты быть вместе с находящимся от тебя далеко. А если утверждаешь слышанное от Урзация и Валента, то справедливость требует верить и тому, что говорит Афанасий. Если же ему не веришь, а веришь сим, то оказывается, что они утверждают это для тебя и в угодность тебе обвиняют Афанасия». Выслушав это и обидою для себя признав сказанное прямодушно, он послал их в заточение, и прогневавшись на Афанасия, строго предписал поступать с ним, как и сделано, церкви передать арианам и дозволить им делать, что хотят.

77) Ужасно, правда, и все ужасное превосходит подобное дело; однако же, оно совершенно приличествует имеющему вид антихриста. Ибо кто, видя, как начальствует он над мнимыми епископами и председательствует на церковных судах, не в праве будет сказать, что это упоминаемая у Даниила «мерзость запустения» ([Дан. 9:27](#))? Прикрываясь христианством, входя

в святые места и стоя в них, приводит он в запустение церкви, нарушая церковные правила и принуждая, чтобы имели силу собственные его приказания. Кто осмелится еще сказать, что время сие для христиан есть мирное, а не паче гонение? И что такое это гонение, какого никогда не было, и какому подобного никто, может быть, не воздвигнет, разве только сын беззаконие, это показывают нам уже христорборцы, ясно то в себе живописуя. Посему — то и надлежит нам наипаче трезвиться и смотреть: уже ересь сия, имеющая много бесстыдства и, по написанному в Притчах, разливающаяся «якоже от кераста... яд» ([Притч. 23:32](#)), научающая мудрствовать против Спасителя, не есть ли то отступление, после которого откроется антихрист, конечно, в Констанции имея своего предтечу? Иначе, для чего так неистовствует он на благочестивых? Для чего подвизается как бы за собственную свою ересь и непокоряющегося Ариеву безумию именует собственным своим врагом, а что говорят христорборцы, то принимает с удовольствием, и бесчестит великие и многие Соборы? Для чего церкви повелел передать арианам? Не для того ли, чтобы антихрист пришедши нашел возможность войти в них и похвалил Констанция, уготовавшего ему место? Епископы старцы, поставленные Александром и прежде него бывшим Ахиллою и даже предшественником Ахиллы Петром, изгнаны, а введены люди, которых избирали сопровождаемые воинами, и избирали, как давших обещание одинаково с ними мудрствовать.

78) Такое требование не трудно было для мелетиан; потому что большая часть из них, а лучше сказать, все небогочестивы по жизни, не знают здравой веры во Христа и вообще того, что такое христианство, или какие писание имеем у себя мы христиане. Одни из них прямо от идолов, другие из сената и из первых правительственных мест, для этого жалкого увольнения от службы, для людского покровительства, деньгами склонив на свою сторону давних мелетиан, вступали в епископский сан, прежде нежели были оглашены. Но если и почитали себя оглашенными, то какое оглашение у мелетиан? Впрочем и те, которые не почитали себя оглашенными, приступали вместе с прочими, и тотчас, как дети, прияв имя, нарекаемы были епископами. И посему — то, как незнающие христианства, ни во что вменяли дело и не полагали различие между благочестием и нечестием; охотно и скоро из мелетиан сделались арианами; а если и другое что повелит Царь, готовы измениться и в это. Незнание благочестия скоро доводит их до обычного им неблагоприятия, какому обучились из начала. Для них ничего не значит влечься всяким ветром и волнением, только бы не нести на себе гражданской службы и иметь покровительство от людей. А может быть, они и не переменяются, оставаясь такими же, какими были и прежде, какими были, когда находились в язычестве. Такие — то люди, имея нрав, ко всему склонный, думая, что Церковь есть тот же сенат, помышляя еще об идолах и прияв на себя прекрасное имя Спасителя, как язычники, осквернили весь Египет, сделав, чтобы и в нем именовалась их арианская ересь; потому что в одном только Египте повсюду была еще свобода держаться православия. Посему и в него злочестивые старались ввести зависть, лучше же сказать, не они, но подвигший их дьявол, чтобы проповедник его, антихрист, пришедши нашел, что церкви в Египте принадлежат уже ему, и мелетиане предоглашены его учением, и потому узнал, что уже вообразился он в них.

79) Таково беззаконное повеление, вышедшее от Констанция; в народе же была готовность к мученичеству, и лучше сказать ненависть к нечестивейшей ереси. Впрочем, везде были плач и стенание о церквах, все вопияли ко Господу: «пощади, Господи, люди Твоя и не предаждь достояния Твоего в укоризну» врагам Твоим ([Иоил. 2:17](#)), но ускори изъять нас из руки беззаконных. Ибо вот не пощадили они рабов Твоих, предуготовляют же путь антихристу. Мелетиане никогда не воспротивятся ему, не позаботятся об истине и отречься от Христа не почтут для себя делом низким. Это люди, никогда не приступающие к Слову искренно, подобно хамелеону принимающие на себя всякий вид, сделавшиеся наемниками имеющих в них нужду.

Они не истину имеют целью, но предпочитают ей минутное удовольствие, и говорят только: «да ямы и прием, утре бо умрем» ([Иса. 22:13, 1 Кор. 15:32](#)). Таковы их предположение и неверный нрав, свойственные лицемерам эпикритианам, а не мелетианам. Но верные рабы Спасителя и истинные епископы, искренно уверовавшие, живущие не для себя, а для Господа, соблюдая благочестную веру в Господа нашего Иисуса Христа и зная, как сказано прежде, что лживы предлоги, выставленные против истины, и явно выдуманы ради арианской ереси (ибо из покаяния Урзациева и Валентова увидели они, что на Афанасия сложена клевета с намерением искоренить его и ввести в Церкви нечестие христорборцев), видя все это, как поборники и проповедники истины, решились лучше понести оскорбление, идти в заточение, и действительно потерпели это, но не согласились подписать Афанасиева осуждения и вступить в общение с арианами. Не забыли они, чему научены, но всего паче знают, что предателям великое бесчестие, а исповедникам истины небесное царство, что малодушным и убоявшимся Констанция не будет ничего доброго, а претерпевшим здесь скорби, как пловцам после бури тихая пристань, как борцам после подвига венец, будут на небесах великая и вечная радость и веселие, радость, какую имел Иосиф после понесенных им скорбей, какую имел и великий Даниил после искушений и многих наветов от царедворцев, какую имеет ныне и Павел, увенчанный Спасителем, и какой ожидают повсюду сущие люди Божии. Видя все это, не изнемогли они произволением, но паче укреплялись верою, более и более возрастала их ревность; удостоверившись в клевете и нечестии еретиков, осуждают они гонителя, гонимым же содействуют и решимостью и единомыслием, чтобы и им самим получить венец исповедничества.

80) Многие мог бы сказать иной против этой скверной и христорборной ереси; и во многих поступках Констанция он мог бы указать предуготовление антихриста; но поелику, как сказал Пророк, «от ног даже до главы» ([Иса. 1:6](#)) нет в ереси ничего твердого, все же исполнено нечистоты и всякого нечестия, и по одному слуху должно бежать от нее, как от извержений псов и от змеиного яда, между тем как Костиллий явно представляет образ противника ([2 Фессал. 2:4](#)); то, чтобы не продлилось слово, прекрасно будет удовольствоваться Божественным Писанием и всякому из нас послушаться того, что оно заповедует и в рассуждении иных ересей, а наипаче в рассуждении этой ереси. Заповедь же его такова: «отступите, отступите, изыдите отсюда и нечистоте не прикасайтесь, изыдите из среды их, и отлучитесь, носящие сосуды Господни» ([Иса. 52:11](#)). Этого достаточно к научению всех, чтобы, если и оболещен кто ими, изшедши как из Содомы, не обращался к ним более, и не потерпел того же, что и жена Лотова. Если же кто от начала пребыл чистым от этой нечестивой ереси, то да хвалится о Христе, говоря: «не воздыхом руки наша к Богу чуждему» ([Псал. 43:21](#)), не покланялись делам рук наших, и не служили твари паче Тебя, Боже, создавшего всяческая Словом Твоим, едиnorodным Сыном, Господом нашим Иисусом Христом. О Нем Тебе Отцу с самим Словом в Духе Святом слава и держава во веки веков! Аминь.

Показание второе

81) Все верные вселенской в Александрии Церкви, правимой достопочтеннейшим Епископом Афанасием, чрез подписавшихся ниже сего всем миром показывают следующее:

Делали мы уже показание о том ночном нашествии, какому подверглись мы и храм Господень, хотя и не было нужды в показании о том, что знал и знает целый город; потому что найденные тела убитых лежали для всех открыто, и в храме Господнем оружие и луки вопияли о совершенном там беззаконии. Поелику же и после показание светлейший дук Сириан принуждает всех говорить согласно с ним, будто бы и смятения не было, и никто не умер, это же дает не мало важный повод к подозрению, что сделано это против воли человеколюбивейшего Августа Констанция (ибо Сириан не стал бы бояться того, что сделано, если бы сделал это по приказанию; но он, когда пришли мы к нему и стали просить, чтобы не делал никому принуждения и не отрицал бывшего, велел нас, не смотря на то, что мы христиане, бить палками, доказывая тем самым, что ночью была воздвигнута брань на Церковь): то по сей самой причине и теперь даем это показание, когда уже некоторые из нас готовы отправиться к благочестивейшему Августу. Вседержителем же Богом о спасении благочестивейшего Августа Констанция закликаем египетского епарха Максима и присмотрщиков донести о всем благочестии Августову и власти светлейших епархов. Закликаем и всех кораблехозяев провозвестить это повсюду и довести до слуха благочестивейшего Августа и до епархов, и до местных судей, чтобы известною сделалась брань воздвигнутая на Церковь, и также известно было и то, что, во времена Августа Констанция, Сириан и дев и многих других заставил приять мученичество. Ибо на рассвете пятого дня февральских идов, то есть в четырнадцатый день месяца Мехира, когда были мы на бдении во храме и совершали молитвы, потому что в пятницу надлежало быть службе, вдруг около полночи пришел к нам в церковь светлейший дук Сириан со многими легионами воинов, у которых были оружие, обнаженные мечи, стрелы и иные воинские снаряды, и шлемы на головах. И действительно, когда молились мы и было у нас чтение, разбили они двери; а как скоро усилием множества были двери отворены, Сириан отдал приказание: и одни стали стрелять; другие восклицали; произошел стук оружий; засверкали мечи при свете светильников. А вслед уже за этим убиваемы были девы; многие потоптаны, падая друг на друга, при наступлении на них воинов; раненые стрелами, мужчины умирали. Некоторые из воинов обратились к грабежу, срывали покрывала с дев, при чем страх, при одном прикосновении к некоторым воинам, был для них тяжелее смерти. Епископ сидел на престоле своем, увещевая всех молиться; а Дук распорядился войском, имея при себе письмоводца Илария, много участвовавшего в этом, как показал и конец. Влекомый Епископ едва не растерзан на части. Доведенный до великого изнеможения и полумертвый, не знаем где, скрылся у них из вида, а они старались убить его. Когда увидели многих умерших, велели воинам спрятать тела скончавшихся; святые девы, оставшиеся мертвыми, погребены в гробницах, стяжав ту похвалу, что, во времена благочестивейшего Констанция, сделались мученицами. Диаконы были биты и заключаемы в самом храме. Но дело и этим не кончилось. По совершении всего этого, разбивая двери, где только мог Сириан, отворял их, обыскивал и похищал, что было внутри. Входили и в такие места, в которые не всем христианам дозволен вход. Это знает и градский военачальник Горгоний, потому что был там. Не малым обличением такого вражеского нашествия служит то, что в храме после вошедших остались оружие, стрелы, мечи, которые доньше висели в церкви, чтобы не возможно было отречься. Сириан неоднократно присылал из отряда Динамия и военачальника, желая взять их; но до времени не дозволяли мы сего, чтобы дело всем стало

известно. Посему, ежели есть приказание воздвигнуть на нас гонение, то все мы готовы стать мучениками. Если же нет приказания от Августа, то египетского епарха Максима и всех, участвующих в правлении, просим умолить Царя, чтобы не было уже предпринимаяемо ничего подобного; просим довести до него и сию нашу просьбу, пусть и не думают ввести сюда другого какого — либо епископа. Даже до смерти станем в своем желании иметь епископом достопочтеннейшего Афанасия, которого изначала дал нам Бог, по преданию Отцов наших. И сам благочестивейший Август Констанций его прислал к нам с посланиями и клятвами; уверены же, что, если узнает его благочестие, то вознегодует на происшедшее, и ничего не сделает вопреки данным клятвам, но опять повелит Епископу нашему Афанасию оставаться с нами.

Во время избрания консулов, после консульства светлейших Арбефиона и Коллиана, в семнадцатый день Мехира, то есть в первый день февральских идов.

Примечания

Начала этого послания недостает в подлиннике.

Жена Юлия Констанция, мать Юлиана отступника.

Это послание от имени Константина Кесаря к жителям Александрии смотри выше Т. 1. стр. 396.

Эти послания помещены уже выше Т. I, стр. 332—350.

Смотри выше два послания Констанциевы: одно — к епископам и пресвитерам вселенской Церкви, другое — ко всем верным вселенской Церкви в Александрии (Т I, стр 355—356).

Смотри выше Т. I, стр. 357.

Письмо это читается выше (стр 61) в других несколько выражениях, вероятно, по другому переводу с латинского языка

Смотри выше послания Урзация и Валента, одно к Епископу Юлию Т I. стр. 359, а другое к св. Афанасию Т. I, стр. 360

Это послание, по словам Афанасия, приложенное им в конце, в рукописях читается обыкновенно на ряду, как и здесь

То есть, в подлинном смысле преподобный, что значит имя Осюс

Уменьшительное название Констанция.